Возвращение

Автор:
Александр Прозоров

Возвращение

Александр Дмитриевич Прозоров

Ведун #12

Он пришел из нашего мира… Его называли… ВЕДУН!

Олег Середин смог вернуться домой, в двадцать первый век, в свою квартиру, к прежней работе и друзьям. Но жизнь его не стала спокойной и размеренной. Оказалось, что и в наши дни на дорогах хватает татей и душегубов, что в тихих лесах по-прежнему обитают лешие и волкодлаки, а в голубых озерах – русалки и нави. Всем им почему-то понадобилась небольшая золотая монета, принесенная ведуном из далекого прошлого. Опять молодому человеку приходится полагаться только на свою находчивость, верный меч и крепко засевшие в памяти колдовские навыки.

Александр Прозоров

Возвращение

Согдианский змеевик

Тонко пискнул будильник, готовясь заорать во всю свою электронную глотку, но Середин повернулся на бок и привычным движением прихлопнул кнопку, не дав ему начать пронзительно-занудную арию. Олег откинулся обратно, сладко

зевнул, потянулся и открыл глаза. Над ним, совсем рядом, белел гладкий и чистый, с мелкими черными крапинками, ровный бетонный потолок. Ведун снова зевнул, закрыл глаза, передернул плечами. За минувшие пять лет уже много, много раз перед рассветом ему мерещилось, что он просыпается дома, в мягкой, уютной, безопасной постельке, у окна с двойными прозрачными стеклами, недалеко от ванны с холодной и – хочешь верь, хочешь нет – горячей водой. Рядом с кухней, где есть газовая плита, микроволновка и холодильник; рядом с теплым и совсем не пахучим туалетом, имеющим водяной смыв и не поросшим «китайским снегом». Но наваждение проходило так же, как появлялось, и он опять оказывался то на шкуре рядом с догорающим костром, то на топчане в детинце или на полатях в гостеприимной крестьянской избе. Ничего не поделаешь – судьба.

Олег Середин тихонько фыркнул, почесал кончик носа и снова открыл глаза. Над ним, совсем рядом, белел гладкий и чистый, с мелкими черными крапинками, ровный бетонный потолок. Знакомый, хорошо различимый, почти осязаемый. Ведун недоуменно скосил глаза в сторону. Там стояли шкаф, стул с рубашкой и джинсами. Слева – стол с лампой и несколькими справочниками, черный тубус с насаженным на него мотоциклетным шлемом. Дальше, у самой двери, валялся пояс с вытершейся за время странствий поясной сумкой, саблей и двумя ножами.

Олег рывком сел на постели, еще раз огляделся.

Да, это была его комната! Его стол, его шкаф, его будильник. Даже его тапочки.

– Значит… – медленно приходя в себя, пробормотал он, – мне все это приснилось? Упыри и богатыри, Аркаим с Раджафом, князь Владимир и рабыня с разноцветными глазами? Приснилось! Ну, надо же, как натурально все пропечаталось! Драки, ладьи, дороги девятого века, золото и кольчуги… Приснилось, значит? Всего лишь приснилось…

Он облегченно перевел дух, поднялся, повернулся лицом к постели, собираясь застелить ее покрывалом… И вздрогнул от неожиданности: вытянувшись вдоль стенки и сдвинув одеяло к ногам, там тихо посапывала юная женщина. На стуле под окном лежал мамин халат, из-под него янтарно поблескивала золотом тонкая вязь церемониальной кольчуги.

– Это тогда кто? – облизнул мгновенно пересохшие губы молодой человек.

Память тут же услужливо подсказала: Урсула, его рабыня, торкская невольница, подаренная ему муромскими дружинниками в благодарность за надежно заговоренную броню. Пленница с разноцветными глазами, синим и зеленым. Ритуальная жертва, что едва не раскрыла врата Итшахра, могучего зеленого бога, повелителя царства мертвых, когда-то очень давно поссорившегося с прочими богами Каима. Вчера вечером – а точнее, десять веков назад – послушание этой девчонки едва не уничтожило весь земной мир.

– Вот проклятье! Значит, это был все-таки не сон… – В голове Олега вихрем пронеслись воспоминания о заклятии Белеса, о купце Любоводе и кормчем Ксандре, о войнах в приволжских степях, о Таврии и берегах Урала, о Верее, о князьях и боярах, о навках и берегинях. – Значит, не приснилось… Ладно, потом разберемся. Если уж мы все равно спасли мир, то теперь главное не опоздать на работу.

– Ты что-то сказал, мой господин? – вяло, одними губами, переспросила Урсула.

– Сейчас… – почесал в затылке ведун. – Как туалетом пользоваться, я тебе вчера показал, воду тоже открывать и закрывать умеешь… В общем, за один день не пропадешь. Из квартиры не выходи! Хотя у тебя все равно никакой одежды нет. С мамой моей поссориться не вздумай! А то будет нам обоим полнейший сектым… Все, я побежал.

Наскоро одевшись, Середин снял с пояса саблю, опустил в тубус, сунул под мышку шлем, вышел из комнаты, плотно притворил дверь и, мысленно вознеся молитву Сварогу, постучал в соседнюю, большую комнату:

– Мама, ты уже встала?

– Поспишь тут с тобой. Бродишь полночи как лунатик, – сварливо отозвались из-за двери.

Олег вошел, сдвинул простыню, присел на край дивана, наклонился к матери, поцеловал:

– С добрым утром, мам.

– Чего это ты такой ласковый? – с подозрением прищурилась женщина. – Опять до получки не рассчитал?

– Не знаю, не помню уже, – отмахнулся Середин. – Ты понимаешь… Ну, в общем… В общем, у меня там девушка в комнате спит. Не пугайся…

– Какая девушка? – С матери мгновенно слетела сонливость, она попыталась встать.

– Урсула ее зовут. Ну, мне на работу пора. Вечером объясню. – Олег поднялся, деловито натягивая шлем, и выскочил наружу.

По крайней мере, с одной проблемой он частично разобрался. А вечер… До вечера всякое может произойти. Теперь нужно вспоминать, как в этом мире жить полагается.

Мотоцикл стоял там, где был оставлен пять лет назад – возле стены дома, у водопроводной трубы…

– Тьфу, не пять лет, – опять спохватился ведун. – Всего лишь со вчерашнего дня. Так что, надеюсь, аккумулятор не сдох.

Двигатель завелся с первого толчка. Олег оседлал своего железного друга, проверил, как ходят рычаги, ткнул педаль тормоза, включил передачу. Руки и ноги навыка не растеряли, знали, как управляться с двухколесной техникой – нужные рычаги и педали находили сразу. Середин легко выкатился на пешеходную дорожку, с нее – на дворовый проезд и вскоре дал полный газ по широкой улице.

Гладкий асфальт, камни бордюра, ровно стриженые кусты по краю газона, дома вдоль проспекта; прохладный сильный ветер, бьющий в лицо, горьковатый запах резины, шумы большого города – все было таким знакомым, реалистичным… и в то же время неправдоподобным. Олег никак не мог отделаться от ощущения, что находится в затянувшемся сне, готовом оборваться в любой момент. Достаточно открыть глаза – и он снова окажется верхом на верном скакуне, на утоптанной до каменной твердости узкой лесной дороге, с саблей на боку и щитом на луке седла.

Ощущение неправдоподобности не покидало его весь день: и когда Олег здоровался с мастером смены, удивленно хмыкнувшим при взгляде на его узкие усы, что волшебным образом выросли за выходные дни, с пятницы до понедельника; и когда включал электрический наддув горна – надо же, никаких мехов! И когда кидал в самый жар каменный уголь – это вам не береза, пережженная под слоем дерна, этот горит так горит, сырое железо и расплавить может! Понимание реальности начало возвращаться лишь после того, как он тщательно проковал несколько рессорных полос для директорской «Волги», сделал одному из водителей лопатку из арматурного прута, а главное – после того, как в обеденный перерыв сунул в пламя горна свой верный клинок и аккуратно прошелся по режущей кромке, выправляя зазубрины и сколы. Выщербилась за минувшие пять лет каленая легированная сталь, поизносилась в схватках и сражениях. И хотя берег он саблю как мог, по доспехам старался не рубить, парировал удары плоской стороной, с мечами пытался не скрещивать – разве в ратном деле убережешь оружие от столкновения с вражеской сталью? Там по кромке ударили – скол, здесь – зазубрина. Окантовку под клинок подставили – режущая кромка на длину ладони выкрошилась. Так что очень кстати он в свою кузню попал, самое время подлечить верное оружие. Где проковать, где наварить, где подровнять.

«А ведь Аркаим у меня еще и кистень стырил, – опустив нагретый добела клинок в воду, вспомнил ведун. – Или это был Раджаф? Не помню. Но все равно новый делать придется. Что за русский человек без кистеня? Крест тоже сгинул бесследно, другой покупать и святить нужно. И зелья знахарские полным комплектом надо восстановить. Мало ли, пригодятся? Пожалуй, вместо мха и порошка из цветков календулы можно просто стрептоцида в туесок насыпать, а вот змеиную шкурку, куриную слепоту и перо дикой птицы придется поискать – без них ни морок организовать, ни глаз отвести не получится. И еще цветок незабудки, мышиный хвост, конскую или крысиную шерсть, скорлупу, иглу с тремя нитками… Да, изрядно меня каимцы обобрали».

Как ни смешно, но несмотря на многократные попадания в плен к воинам то одного, то другого брата, деньги в поясной сумке не единожды обысканного ведуна остались: серебряные и золотые монетки разных земель, через которые довелось пройти или проплыть Середину за последний год. В землях Каима люди расплачивались за товары стекляшками, похожими на бисер, а потому металлические кругляшки никого из туземцев не заинтересовали. Только их и нашел у себя Олег, когда клал в сумку права и техпаспорт. Все прочие припасы, даже огниво, остались там – в далеком прошлом.

Разум пытался напомнить, что здесь, в двадцать первом веке, на улицах нет ставших уже привычными опасностей: всевозможной нежити, лесных татей; что теперь не нужно бояться холода, голода или жажды. На каждом углу ларьки с питьем всех сортов, от лимонада до джин-тоника, магазины забиты едой, только плати, дома есть газ и электроподжиг, порядок охраняется милицией, а нечистая сила осталась только в сказках и кино… Но въевшиеся в кровь инстинкты одинокого бродяги брали свое. Пустая поясная сумка вызывала в душе легкую перманентную панику.

– Зажигалку надо бы купить, – отметил для себя Середин. – Даже три. Мало ли огонь вдруг понадобится? И бензина. Мотоцикл не лошадь, траву вечерком щипать не станет.

Остаток дня, до пяти часов, Олег гнул кронштейны для новых сливов на крытой стоянке. Где-то после пятидесятого крюка к нему закралась мысль, что жить в двадцать первом веке – не самое большое счастье, могущее достаться человеку. После двухсотого ведун с некоторой ностальгией начал вспоминать напавших как-то ночью пятерых волкодлаков. Страшновато было – да. Но хоть не так нудно.

– Правда, за них мне так никто и не заплатил, – вспомнил он неприятный нюанс, когда часовая стрелка наконец уткнулась в заветную цифру. – А здесь зарплата два раза в месяц, и никакого риска. Мягкая постель, телевизор, постоянная крыша над головой. Что еще нужно человеку для нормальной жизни?

Теперь, когда настал момент бросить тяжелый молот и выключить нагнетатель кузнечного горна, мир показался куда более дружелюбным.

– Сейчас бы картошечки жареной! Целую вечность во рту не бывало. И самую большую шоколадину купить. Забыл уже, каков он на вкус. Урсула и вовсе никогда в жизни не пробовала. Ни шоколада, ни картошки, ни газировки, ни чипсов… Скажешь кому – ведь и не поверят! Только сначала крестик куплю. Береженого и Мара стороной обходит. Интересно, где она сейчас? Отзовется, коли позвать?

Ведун тряхнул головой, изгоняя воспоминание о прекрасной, но недоступной Ледяной богине, прихватил из шкафчика полотенце и быстрым шагом отправился в душевую.

Полчаса спустя его мотоцикл затормозил на Зверинской улице, на углу сквера, за которым сияли золотом высокие купола Князь-Владимирского собора.

– Да простит меня Сварог, прародитель рода русского, и братья его, – пробормотал себе под нос Середин, закидывая шлем на плечо и затягивая ремень под мышкой. – Не отрину богов радуницких до часа своего смертного, не предпочту им веры чужеземной. Не ради измены, ради нужды ратной, ради обороны от зла чернобогова и нежити земной в чуждый мир вступаю…

Олег знал, чем станет для него, колдуна и убежденного последователя древних богов, поход в храм распятого Господа – но не ведал иного способа получить самый важный для охотника за нечистыми силами амулет.

– Не оставь меня помощью своей, прекраснейшая из богинь, – волей-неволей призвал он на помощь хозяйку мира за Калиновым мостом. – Ты ведь Ледяная. Выручай…

Мара не откликнулась, никак не показала своего присутствия – но отступать было нельзя, и Середин медленно двинулся к собору. Он перешел улицу, по песчаной дорожке миновал кленовую алею и уже отсюда, почти за три сотни шагов, ощутил струящееся от церкви тепло. Неведомый христианам и просто неверующим экскурсантам жар христианской магии стремился уничтожить его – чужака, чародея, представителя силы, с которой иноземная вера боролась не одну тысячу лет. Испепелить, как испепеляет на искренне верующих все заговоры и порчи, как изгоняет из них бесов и оседликов. На миг ветер от близкой реки принес благодатную прохладную влажность, медовый аромат липы – и тут же исчез.

За сто шагов от церковной паперти жар казался уже совершенно непереносимым, словно ведун наклонился над пылающими в горне углями. Олег застегнул молнию куртки, надеясь хоть чем-то заслонить тело от обжигающего сопротивления вместилища чужого бога, наклонил голову и решительно пересек отделявшую его от ступеней асфальтовую площадку. Самый воздух казался здесь раскаленным, испепеляющим. Легкие не желали впускать его внутрь, дергались в рефлекторных судорогах, вызывающих сухой чахоточный кашель. В этот миг больше всего ему хотелось развернуться и убежать, упасть на траву в тени ухоженных деревьев, раскинуть руки и дышать, дышать, дышать. Намоленный за два полных столетия храм успел скопить огромную силу. Каждый из попадавших сюда прихожан оставлял здесь частицу своей веры и

энергетики – а сколько их было за многие и многие поколения смертных? Не счесть! Куда там управиться одинокому колдуну – спалит, как щепку…

И все же ведун собрал свою волю в кулак, чуть прищурился, спасая глаза, сделал несколько быстрых шагов по ступеням, пробежал между дверями, повернул к церковной лавке:

– Кресты нательные есть? Серебряные?

– А как же, брат мой, – кивнула за стеклом совсем молодая женщина в темно-синей кофте, такого же цвета юбке и с туго завязанным на волосах платком. – Вот, по эту сторону лежат…

– Они освящены? – перебил ее ведун, чувствуя себя брошенным в кипящий котел раком.

– Конечно. Как же иначе? Потому и здесь, и…

– Этот сколько стоит? – ткнул пальцем в первый попавшийся Олег.

– Который плоский, с гравировкой? Этот триста восемьдесят. Есть еще похожие, но немного меньше размером. Те триста двадцать будут.

Деньги! Середин совсем забыл, что здесь понадобятся другие деньги… Он торопливо расстегнул сумку, открыл права, техпаспорт. Есть! Три сотенных, полтинники, еще какие-то бумажки. Олег быстро выгреб все, сунул женщине и коротко, из последних сил удерживая себя в руках, выдавил:

– Дайте!

– За триста восемьдесят?

– Да…

– Вы много дали.

– На храм… – простонал ведун. Ему казалось, что глазные яблоки вот-вот закипят и лопнут, как передержанные в печи яйца, а кожа уже вспучивается бесчисленными пузырями.

– Да благословит тебя Господь, – ничуть не удивилась продавщица. – Вот тебе…

Олег сдернул с ее ладони заветный крест и кинулся бежать, уже не думая о том, как выглядит со стороны. Остановился он только у мотоцикла, присел рядом на тротуар и долго пытался отдышаться, опустив голову к самым коленям. Боль медленно отпускала, превращаясь в слабое покалывание, глаза наконец обрели способность различать окружающий мир в резкости, во всех его цветах, из груди ушло жжение будто от налитого туда кипятка.

– Кажется, опять обошлось, – сделал вывод Середин и разжал кулак, чтобы полюбоваться добычей.

Крестик был самый простой: слабо очерченный силуэт распятого человека, уронившего голову с широким венцом, тонкая линия по краю, концы перекладин украшены тремя полукругами. Так себе украшение. Однако таинство освящения наделяло его уникальнейшей способностью, что уже не раз спасала ведуну жизнь.

Олег сдвинул рукав на левой руке, сдунул уличную пыль и аккуратно приложил крестик к запястью. Кожа тут же ощутила слабое тепло. Действует! Освященный крест распознает в нем колдуна и нагревается, пытаясь уничтожить – как несколько минут назад то же самое делал Князь-Владимирский собор. Чем больше нечисти вокруг – тем сильнее нагревается крест. Все очень просто. Никакая нежить, никакая магия не сможет теперь подобраться к Середину незамеченной – маленькое распятье тут же предупредит его об опасности.

– Спасибо Ворону, он придумал, – вспомнил своего учителя ведун. – Интересно, как он там? Злится все еще, наверное. Для него ведь всего три дня после нашей размолвки прошло. Так что, пожалуй, к клубу даже близко не подпустит, старик ясновидящий…

Олег подбросил крестик, спрятал его в сумку, решительно толкнул рычаг кикстартера и снял мотоцикл с подножки. Чтобы там ни думал про него Ливон Ратмирович, а Середин не видел ни его, ни друзей уже целых пять лет.

* * *

Первомайская улица, протиснувшаяся между заводским корпусом «Спутника» и бетонным забором мясокомбината, была тихой и пустынной. Оно и немудрено – единственным зданием в конце полукилометрового переулка являлся ветхий корпус спорткомплекса, уже лет десять лишенного финансирования. Вдобавок, те же десять лет дорогу никто ни разу не латал, и она была покрыта множеством ям, иные из которых выросли до локтя в глубину – посему даже из праздного любопытства случайные легковушки сюда предпочитали не сворачивать.

Затормозив перед дверью, по которой криво ползла выжженная надпись «Остров Буян», Середин перекинул тубус из-за спины в руку, достал крестик, покрутил между пальцами, прислушиваясь к ощущениям.

Тепленький. Странно: на старого Ворона заговоренный крест всегда реагировал, словно на тысячелетнего вампира – разве что не краснел от накала. Может, нет сегодня Ратмировича в клубе? Тогда и беспокоиться незачем, злится он после прошлой ссоры или уже остыл. А с другой стороны – что здесь делать, коли со старым чародеем не перемолвиться?

Дверь внезапно растворилась, на улицу вывалилась веселая компания из двух десятков парней и пяти девушек. Некоторые шли с зачехленными щитами, двое – с длинными мечами, старательно замотанными в тряпки. Видать, какая-то группа закончила занятия. Ведун пожал плечами, спрятал крест и вошел в призывно распахнутую дверь.

– Олежка? Привет! Ну, ты как? Сделал?

– Привет… – После залитой солнцем улицы лица мужчин в коридоре было не различить. Разве что голова показались знакомыми. У того, что пониже ростом, желтовато поблескивала лысина.

Забыл, он всех забыл.

– Так получился заговор-то?

– Не то слово, – криво усмехнулся Середин.

– Слушай, а усы у тебя откуда? В пятницу же, вроде, не было! И вообще, какой-то ты… Другой как будто стал. Матерый какой-то. Обветрился, загорел.

– Это после заговора.

– Чего? – Ребята рассмеялись. – Так смысл нашего учения в усах, что ли, заключается?

– Костя? Стас? – наконец узнал старых друзей Олег. – Сколько лет, сколько зим… Ворон у себя?

– Там он, журналы листает. Вроде, в настроении. Загляни, авось обойдется.

Похожий на румяный колобок – низкорослый, пухленький и круглолицый, – руководитель клуба сидел за столом, откинувшись на спинку кресла, прихлебывал пиво и с интересом изучал журнал «Техника – Молодежи», успевший изрядно обветшать от возраста. Цифры на обложке свидетельствовали, что отпечатан он был аж в семьдесят пятом году.

– Что, Ливон Ратмирович, веком раньше, веком позже особого значения не имеет? – вместо приветствия усмехнулся Олег.

– Никак, бродяга вернулся? – опустив журнал, склонил голову набок учитель. – Ты ли это, али не ты?

– Да я уж и сам не знаю, – двумя пальцами пригладил тонкие усики Середин. – Может, ты подскажешь?

– Подсказать не подскажу, – Ворон кинул журнал на стол, поставил рядом бутылку, стряхнул соринку с широкого рукава рубахи, – но могу проверить…

С невероятной для старика легкостью он прямо с кресла взметнулся к потолку, перемахнул через стол. Ведун увидел сверкнувший в руке меч, вскинул над

головой тубус, закрываясь от первого удара, а когда колдун, приземлившись, на мгновенье замер, удерживая равновесие, – рванул в стороны половинки тубуса, поймал за рукоять вывалившуюся саблю и тут же рубанул учителя по голове. Ножны слетели сами, обнаженный клинок оттяпал уголок от спинки стула – Ратмирович уже перекатился влево, его клинок мелькнул в направлении серединского горла. Ведун шарахнулся назад, зацепил ногой и метнул в старика стул, под его прикрытием кинулся в угол, подхватил с линолеума влажную половую тряпку, одним круговым движением намотал на левое предплечье, а стоявшее рядом ведро опять же ногой швырнул в Ворона. Костя со Стасом, столкнувшись в дверях, шарахнулись в коридор, старик пригнулся, а Олег подхватил с пола половинку тубуса и насадил его на руку поверх тряпки.

Учитель кольнул его снизу. Ведун успел отвести чужой клинок вбок и рубанул сверху – однако верткий старик уже скользнул влево, к столу, изобразил глубокий выпад с уколом в грудь. Середин отмахнул меч в сторону и тут же ударил Ворона поперек живота. Тот откинулся на спину – да так резко, что перекувырнулся через стол и, пригнувшись, побежал вокруг, на ходу бормоча заговор.

– Крест, крест привязывай! – закричал кто-то из друзей.

Старик прямо на глазах растворился в воздухе, стал невидимкой – однако времени привязывать заветный амулет у Олега не было. Он просто сцапал бутылку с пивом, широким жестом махнул ею вдоль комнаты и ударил клинком туда, где темная жидкость не плеснула на стену, а растворилась в воздухе. Невидимый Ратмирович громко ругнулся, зашелестели быстрые шаги. Середин метнул на звук бутылку, потом кольнул следом саблей – но только бесполезно рассек воздух. Зашуршали бумажки на столе, стукнули об пол ноги – ведун выбросил вперед оружие, пытаясь пригвоздить учителя к стене, но попал лишь в листок с правилами техники безопасности. Одновременно к его горлу прикоснулось холодное лезвие, а ласковый голос в самое ухо прошептал:

– Молодец, бродяга, молодец. Два раза чуть не зарезал своего любящего пе-да-го-га. – Ворон хорошо слышно перевел дух. – Молодец. Можно подумать, лет десять каждый день тренировался.

– Не десять, а пять, – поправил Олег. – И не каждый день, а от силы раз в десять суток. Но зато в моей школе никто не ставил троек. Середнячкам просто отрезали головы.

– Результативная методика.

Клинок перестал давить Середину на горло и медленно уполз в сторону. Из воздуха появилась рука Ворона, потом плечо. Проступая из ничего, как изображение на упавшей в проявитель фотобумаге, учитель прошел по комнате, остановился у стола, выдвинул ящик, бросил в него меч, не глядя махнул рукой над столом, потом, с некоторым недоумением, еще раз, сплюнул, дотянулся до холодильника, открыл и снял с дверцы непочатую бутылку «Оболони».

– Очень эффективная. Вот только отсев слишком большой получается. Будешь, бродяга?

– Я за рулем… – Олег подобрал ножны, спрятал саблю и пнул ногой крышку картонного цилиндра. – Хана тубусу.

– Бывает, – довольно улыбнулся старик. – И что ты теперь сделаешь?

– Морок наводить придется. Чтобы прохожие ее не видели. И гаишники. А то ведь на каждом углу стопорить будут.

– Вот и правильно, – похвалил Ворон, открывая бутылку о край стола. – Коли знанием владеешь, пользоваться им надобно, а не за картонки прятаться. Так что, бродяга? Мыслю я, ведомо тебе ныне, зачем чародейство и дело ратное изучать надобно?

– Получается, чтобы ворота Итшахра запертыми оставить?

– Это уж каждому свое… – задумчиво прихлебнул пиво старик. – Стало быть, на последних каимовцев ты в скитаниях набрел? Убил?

– Нет. Жертву увел, без которой бога мертвых не выпустить.

– Какого бога? – недовольно сморщился Ворон. – На Руси боги! А то – бесы злобные. Ишь, землю нашу отчую мертвецам своим отдать порешили!

– Подожди, Олежка, – встрял в разговор худосочный Костя. – Это вы про заклинание? С ним что-то случилось? Ты куда-то пропадал? Это оттуда усы выросли?

– Не рассказывай им, – покачал головой Ливон Ратмирович. – Пусть сами попробуют.

– Жалко мужиков.

– Ничего, не пропадут. Семь лет учатся. Пора экзамен сдавать. Ты ведь не пропал?

– А что там было? – подал голос Стас.

– Много было, – развел руками Середин. – За вечер всего и не рассказать.

– Ну, хоть в общих чертах! – взмолились оба.

– В общих чертах я вам так скажу, – вальяжно раскинулся в кресле старик. – Много у меня учеников через руки прошло. В иные года хорошо учились, в иные не очень, а порой и вовсе никто не интересовался, да еще и карами за уроки грозили. Однако же в сии годы дело развернулось неплохо. Мыслю, тысячи три-четыре людишек к нам в клуб заглянули. Из всех токмо вы трое удачливы и в ратном деле, и в чародействе оказались, и леностью не страдали, каковая любой талант сгубить способна. Токмо вы трое черту последнюю перейти способны, силу полную обрести, над миром подняться. А покуда шага последнего не сделаете, так школярами и останетесь.

– И что там, за чертой? – поинтересовался Костя.

– Вам понравится, – пообещал Ворон. – Там хорошо… Правда, бродяга?

Ведун тактично промолчал.

– Но ведь ты там ничего не потерял? Только приобрел!

– Почему не потерял? – пожал плечами Середин. – Кистень мой пропал. Серебряный. Прибрал кто-то… Чтоб на них Медный страж обозлился.

– О! Кистень! – вскинул палец Ливон Ратмирович. Он наклонился к столу, дернул к себе ящик: – Вы гляньте, чего я тут на дикой свалке за мясокомбинатом нашел. Видать, музей какой-то или театр ремонт делал и люстру выбросил…

Руководитель клуба высыпал на столешницу, поверх журнала, с десяток сверкающих гранями то ли стеклянных, то ли хрустальных капелек. Причем довольно увесистых – граммов по двести-триста. Как раз вес обычного боевого кистеня. Возле острых кончиков в украшениях были проделаны сквозные отверстия для крепежа.

– Вот. Шнурок шелковый продеваешь – и хоть завтра в сечу, – довольно предложил Ворон. – Красиво и удобно.

– Так хрупкие же… – неуверенно пригладил лысину Стас. – Стекло.

– Это оно, когда в окне, хрупкое, или в бутылке, – прихлебнул пиво старик. – А коли шаром сделано, так иной камень стеклом разбить можно. Особливо, если закалить. Так ведь, бродяга?

– В горне размягчить можно, да в воду. Но помнется, когда расплавится. Оно ведь мягким будет. Форму нужно делать специальную. Ладно, попробую.

Он забрал со стола сразу три «капельки» и сунул в поясную сумку. Костя привстал у дверей на цыпочки и попытался заглянуть внутрь:

– А чего ты от этого заклинания приобрел, Олежка? Только усы?

– Не только, – улыбнулся Середин. – Еще кое-что приобрел. Разноцветное. С синим и зеленым глазами.

– Что-о-о?! – Ворон поперхнулся пивом и закашлялся, роняя на стол коричневатую пену: – Что?! Ты притащил ее с собой?

– Я не хотел… – прикусил губу Олег. – Так получилось.

– Ты с ума сошел?!

– Зато я смог забрать ее у Аркаима.

– Ты чего, совсем ума лишился?! – Старик, качнувшись вперед, звучно постучал себя бутылкой по лбу. – Ты понимаешь, что она способна уничтожить весь наш мир?! Стереть всю землю в порошок?!

– Она тут вообще ни при чем, Ливон Ратмирович! Она всего лишь жертва. Открыть врата Итшахра хотел Аркаим.

– Пока она жива, это всегда может сделать кто-то другой!

– Не может, – покачал головой ведун. – Для этого нужно знать, на каком алтаре приносились первые жертвы, владеть книгой Махагри, быть каимцем и заполучить Урсулу.

– Мужики, – кашлянул Стас. – А по-русски вы говорить не пробовали?

– Ты играешь с огнем, бродяга, – покачал головой старик. – Ох, каким огнем… Ладно бы собой одним рисковал. А то весь мир разом спалить можешь.

– Подожди, Ливон Ратмирович, – заметил странность Олег. – Так ты чего – знал? И про каимцев знал, и про книгу, и про Урсулу? Почему же не предупредил?

– Да чего я знал? – Ворон откинулся на спинку кресла и вылил себе в рот последние капли «Оболони». – Слышал от персидских магов про эту легенду. Что живут два брата-каима, которые мечтают отдать нашу землю мертвецам, и что для этого им нужна девственница с разноцветными глазами. И что случится это в год шеститысячный с чем-то от сотворения мира. Срок миновал, земля уцелела. Все облегченно вздохнули и стали жить дальше. Пророчества там были хитрые, вполне могли и не совпасть.

– Совпали, Ливон Ратмирович, совпали… – Середин полувытащил саблю, вогнал ее обратно и присел на край стола. – Ты же знаешь, пророчества всегда исполняются. Просто их смысл становится понятен только после исполнения… Ты вот что… Скажи, Ливон Ратмирович, а как там братья? Что с ними после

моего исчезновения случилось?

– А я откуда знаю?

– Я думал, ты знаешь все… учитель.

– Я выгляжу таким многомудрым? – довольно ухмыльнулся старик, потянулся к холодильнику и достал еще бутылку. – Увы, бродяга, я много чего не знаю. Не знаю, сколько зубов у нильского крокодила, сколько букв «Л» пишется в слове «Тал-л-л-лин», сколько игроков в команде «Зенита». Никто не знает всего, бродяга. И уж тем более не знает того, чем никогда не интересовался. Сам подумай, Олежка, зачем мне эти каимовцы сдались? Ну, жили два брата… И леший с ними!

– Хорошее, похоже, заклинание Олег испробовал, – оглянулся на Костю Стас. – Вон сколько впечатлений. Может, и нам попробовать?

– Пулемет с собой возьмите, – не удержался от совета Середин.

– А ты брал?

– Нет. И горько потом раскаивался.

– Перестань их пугать, бродяга! Не то так по эту сторону и останутся.

– И правильно сделают. Поеду-ка я домой, Ливон Ратмирович. У меня там новоявленное сокровище на пару с мамочкой целый день взаперти сидят. Боюсь, всю посуду уже перебили. Сам знаешь, каково двум женщинам в одной берлоге. Я ведь поздороваться просто хотел, на тебя посмотреть. Ты это или не ты?

– Ну, и что решил, бродяга?

– Как ты мог узнать меня, Ратмирович? Не сейчас. Там, у Мурома… Ведь ты тогда увидел меня в первый раз!

– Тебе сказать правду, бродяга? – прищурился Ворон. – Быть посему, скажу. Все дело в том, что ты все еще ученик, а я учитель. Вскоре ты узнаешь немало

нового и сам сможешь на все ответить. К тому же, мы ведь еще увидимся. И не раз. А покамест деньков пять тебе можно отдохнуть. Заслужил.

* * *

Что больше всего удивило Олега, когда он открыл дверь – так это тишина в доме. Тихонько мурмулил на кухне холодильник, приглушенно бормотал телевизор, прерываемый редкими смешками. Стараясь двигаться бесшумно, Середин снял ботинки, скользнул к себе в комнату. Положил шлем на стол, расстегнул ремень, спрятал саблю под постель, потом прокрался к большой комнате, осторожно толкнул дверь.

Ну да, само собой! Мамочка перелистывала альбом, отпуская слышные только Урсуле замечания, невольница сидела рядом, поджав ноги, все еще одетая только в легкий халатик.

– Господин! – первой заметила его рабыня, спрыгнула с дивана и кинулась на шею. – Тебя так долго не было, господин!

– Я и не заметила, как ты вернулся, сынок. – Мама захлопнула альбом, поднялась: – Постой, Олег, да что с тобой такое? Ты чего, устал? Усы откуда-то взялись… Утром же еще не было! Приклеил, что ли?

– Как же не было? Я уже две недели их ношу! – не моргнув глазом, соврал Середин. Что еще оставалось делать?

– Перестань паясничать! Я же твердо помню, что еще утром их у тебя не было!

– Сама подумай, мама. Не могли же они у меня за один день вырасти?

– И вообще вид у тебя какой-то усталый. Славно на пять лет разом старше стал. Небось, опять в клубе три часа со своими игрушками прыгал? И это после целого дня в кузне! Отдыхать тебе надо больше, а то сгоришь у меня, как свеча. Знаешь, во сколько лет балерины на пенсию выходят? А они куда меньше твоего

трудятся.

– Ерунда. Высплюсь – утром буду, как огурчик.

– Знаю я, как ты выспишься, – стрельнула глазами в сторону Урсулы женщина. – Девочка, ты посиди пока, «Убойный отдел» посмотри. Мне с сыном нужно поговорить.

– Слушаю, госпожа, – склонила голову невольница и юркнула обратно на диван.

– Я же просила, Урсула. Не надо никакой госпожи. Просто мама.

– Мама?! – передернуло Олега. – Почему «мама»?

– У нее с именем-отчеством никак не получается. – Женщина увлекла сына в коридор. – И про себя ничего не говорит. А что говорит, того я не понимаю. Ханство, дворец, купцы, война. Ерунда какая-то. Но на тебя чуть не молится! – Матушка понизила голос. – Тебе повезло, обормот, ох, повезло. Держи ее крепко. Любит, видно, до безумия. Как о тебе речь заходит, так у нее аж голос меняется. Не сварлива, не упряма, не белоручка. И посуду помыла, и пол весь вытерла, и пыль убрала. Только и спрашивает, чем еще помочь. Правда, картошку чистить, сразу видно, не умеет. Но старательна. И ведет себя уважительно, не то что твои предыдущие, не корчится… Умница девка! Хозяйка из нее выйдет – загляденье. И собой хороша. Бери ее, и не думай! Сбежит – локти себе кусать будешь…

– Эк она тебя проняла-то за день! – изумился Середин. – Однако, умели раньше баб в гаремах воспитывать. Не характер – чистый шелк. Первый раз слышу, чтобы ты кого-то из моих знакомых хвалила.

– А ты тоже гусь лапчатый, так и норовишь на шею девочке усесться! Зачем заставляешь себя господином называть? Почто над ней издеваешься? Тоже мне, султан-паша нашелся… Погоди, какой гарем? Она мне тоже про гарем что-то рассказывала.

– Поселок такой. В Астраханской области. Она там все детство провела, до совершеннолетия, – почти чистую правду сказал ведун. Не стал уточнять только,

в каком веке Урсулу воспитывали в таком исключительном послушании и уважении к старшим.

– А-а. Тогда понятно, почему она многим вещам удивляется, словно первый раз видит. Ты поверишь – спичку сама не смогла зажечь! И микроволновки боится. Я ей чай там согрела, так она пить поначалу отказывалась. И все кланялась… Постой, Олег, а почему она у тебя голая совсем в комнате оказалась? Где ее одежда?

– Разорвал в мелкие клочки в порыве страсти, – потупил взор Олег.

– Нет, ты у меня все-таки обормот, – всплеснула руками женщина и постучала костяшками ему по лбу: – А ты подумал, как ей потом из дому выходить? Как она теперь выбираться будет? Твое счастье, горе луковое, что она, видать, души в тебе не чает и про все на свете забыла. Ведь дела у нее какие-то, наверное, есть, учится она где-то. Ох, везунчик ты незаслуженный. Держи девку крепче! С такой женой будешь как сыр в масле кататься.

– Ж-жено-ой? – У Середина от такого предположения даже губы пересохли.

Нет, Урсула отличная девица – и послушная, и ласковая, и пережила вместе с ним немало. Но тем не менее… Щедрость ратников, сделавших удачный подарок, – еще не повод превращать невольницу в хозяйку. И даже то, что на улице двадцать первый век, а рабство давно отменили – все равно не повод.

– А ты что хотел – поматросить и бросить? – тут же возмутилась матушка. – И в кого ты такой уродился, дурной и бессовестный? Хоть бы с Урсулы пример брал. И умная, и воспитанная, и работящая. Толковая, сообразительная девочка – не тебе чета. И чего она в тебе нашла, тупом молотобойце?

– Мама, ты ничего не перепутала? – поднял брови Олег. – Это я, между прочим, твой сын, а не она. Чего ты ее так защищаешь?

– Вот потому и защищаю, что о тебе забочусь. Смотри, найдет она у себя в институте симпатичного паренька, да и махнет тебе хвостом – будешь знать.

– Где найдет? – не понял Середин.

– У себя в институте. Чего, думаешь, она сюда из Астрахани приехала? Толковая ведь девочка, не могла не поступить. На первом курсе, наверное.

– Само собой. – Ведун даже спорить не стал. Институт так институт. Женщинам, которые не из гаремов, возражать бесполезно.

– Да ты, наверное, голодный? Иди руки мыть. Урсула! – повернула мама голову к двери. – Помоги накрыть на стол.

– Бегу, госпожа!

Уже через минуту Середин понял, что попал. Попал жестоко и бесповоротно. Невольница молниеносно и беспрекословно исполняла все мамины поручения и старалась угадать намеки. Сказано поставить тарелки – тут же расставляла. Сказано разложить салфетки – раскладывала. Если хозяйка что-то поправляла – она извинялась и старалась все остальное сделать так же. Просили принести – несла. Просили подождать – стояла и ждала. Ни в чем не сомневалась, ничего по-своему сделать не пыталась, ни в единой мелочи не перечила. Найти в двадцать первом веке на всей планете еще хоть одну такую «умную и воспитанную» девицу было просто нереально.

Но самое страшное: если с обычной подругой он всегда мог «поссориться» и расстаться, то выставить за дверь Урсулу для Олега было весьма проблематично. Куда он ее денет? Жить же постоянно с девушкой в одной комнате, спать в одной постели… Тут мама вопрос о бракосочетании поднимет обязательно. Никаких шансов.

– А ведь у нее еще и паспорта нет… – пробормотал Олег и схватился за голову.

«Ну, Ворон, удружил! Экзамен, видите ли, нужно пройти. Уж лучше с десятком упырей или сотней анчуток сразиться, чем такой приз по результатам зачета получить… Квартиру, что ли, снять? Так на какие шиши? На зарплату слесаря особо не разгуляешься. Да еще одежду покупать. Ой, мама, роди меня обратно!»

Совершенно неожиданно для Середина его матушка, решив превратить ужин в маленький праздник, выставила на стол из морозильника бутылку водки. Урсула такого напитка, естественно, не знала и уже после двух рюмок заметно опьянела. Язык у нее развязался, и невольница разразилась длинным

монологом: о том, сколь великим счастьем было оказаться пленницей такого прекрасного господина, как Олег, великого душой и деяниями, как она ему предана и как его обожает, а также о том, насколько мудра, великодушна и достойна хозяйка этого богатого дома, какой преданностью и любовью Урсула успела проникнуться к госпоже, и какое для нее счастье созерцать, служить, повиноваться… И так далее.

У ведуна от услышанного быстро завяли уши, однако его матушка речью осталась довольна и даже пару раз подмигнула сыну. Дескать, глянь, как девица на тебя запала. Сама не своя. И не изменит никогда, и скупостью в трудный день не попрекнет, и уют обеспечит, и характером сошлась. Чего еще от будущей жены нужно?

Не дожидаясь, когда рабыня перейдет к воспоминаниям о детстве, а также их общих приключениях, ведун снова налил ей рюмочку, потом еще. Девушка вместо тостов восхитилась текущей из кранов водой, «ящиком с зимой», «самомоющимся» туалетом, после чего резко сомлела и заснула, привалившись к плечу господина.

– Алкоголичка! – недовольно фыркнул Олег.

– Сам ты алкоголик! – вскинулась женщина. – Она весь день на ногах. То готовит, то убирает. Твой свинарник наконец-то вычистила. Устала за день. Ты бы хоть небольшое уважение к ее чувствам проявил, чурбан стоеросовый! Я, может, сегодня впервые в жизни отдохнуть за день смогла. На диване посидеть, а не крутиться с утра до вечера, как белка в колесе.

– Ну, если она тебе так нравится, тогда я ее к себе поселяю.

– То есть как это «поселяю»? – насторожилась матушка.

– Как свою пленницу. Будет здесь жить, ночью у меня спать, днем за тобой ухаживать.

– Подожди, Олег! Я вовсе не это имела в виду… Я же ее не знаю совсем! А вдруг… И потом… У нее же свой дом есть, родители…

– Не бери в голову. – Середин поднял Урсулу на руки и понес в соседнюю комнату.

– Подожди, Олег! – поспешила следом мама. – Ты ведь шутишь, да?

– Разве такими вещами шутят? – оглянулся ведун через плечо. – Она тебе понравилась? Значит, берем.

Отнеся невольницу на постель, Середин вернулся и положил на стол перед матерью лист бумаги и ручку:

– Вот, пиши. Что девушке нужно из одежды и обуви, какие размеры, чтобы на Урсулу подошло, сколько, как выбирать?

– Это какой-то бред, Олег, – мотнула она головой. – Ты можешь объяснить, что происходит?

– Почему бред? Издержки рабовладения. Пленницу нужно кормить, поить, одевать…

– Вы с ума посходили, малолетки?

– Почему «посходили»? Ты же сама видела, у нее из одежды даже носка нету!

– Но причем тут… Ты, что ли, ее одевать собираешься?

– Ты же сама сказала, что она тебя устраивает. Вот я ее и оставляю.

– Ничего не понимаю… – прикусила губу женщина. – Ты можешь мне внятно объяснить, что происходит?

– Она будет жить с нами.

– В качестве кого?

– Мама, не вдавайся ты в эти дебри, – небрежно отмахнувшись, предложил ведун. – Ты же знаешь нынешнюю молодежь. У нее свои странные игры, отношения, новые нравы.

– Это ты про кого?

– Про нас с Урсулой. Коли боги захотят, что-нибудь и получится. Главное, чтобы она тебе понравилась.

– Ладно, Бог с вами, – сломалась женщина. – Она и вправду хорошая девочка.

– Тогда пиши.

– Почему я? Ты у нее самой спроси, чего она предпочитает.

– Кого спросить? Забыла, как ты ее напоила? Она, дурочка, еще и завтра целый день похмельем маяться будет.

– Я-а напоила?! А кто ей тут подливал?

– Какая разница, кто? Главное, что спрашивать некого и незачем. Пиши, мама, пиши. И, если можешь, добавляй, сколько это стоить будет.

– Ладно.

Матушка приступила к работе, а ведун облегченно перевел дух: слава Сварогу, с пребыванием Урсулы у них дома проблем не будет. По крайней мере, первое время. Но радость его длилась недолго – до тех пор, пока женщина, пробежавшись пером по списку, не подвела снизу жирную черту:

– Вот, пожалуй, первое время этим можно обойтись. Если без верхней одежды, то тысяч в десять уложится.

– Сколько?! – выхватил у нее бумажку Олег. – Откуда столько? Ничего себе… Зачем ей столько трусов?

– Женщины, в отличие от тебя, охламона, каждый вечер моются и потом чистое белье надевают.

– Японский городовой! Фланелевый костюм, халат…

– Ей нужно в чем-то дома ходить?

– Джинсы, три юбки, столько же колготок…

– В джинсах делами заниматься, юбки – чтобы выходить. Не одну же ей все время таскать? А колготки вообще чуть не каждый день рвутся.

– Пять блузок…

– Какие-то в стирке будут, какие-то для смены. Красивые, повседневные. Разные.

– Спасибо, хоть туфли одни.

– И кроссовки.

– Японский городовой!

– А этого в списке не было.

– И без него неплохо… Даже если половину выкинуть – и то не меньше ста долларов получается.

– Чего ты так беспокоишься? Наверняка, у нее и из своей одежды что-то было.

– Было, да сплыло.

– Это как?

– Ну, утонуло.

– Где, когда?

– Нигде. Это я образно выразился. – Ведун спохватился, что сболтнул лишнее.

– Что, так серьезно? Ну, хочешь, я тебе тысячу рублей одолжу? Больше до пенсии не получится.

– Не нужно, мама, – отмахнулся Олег. – Я чего-нибудь придумаю. Не держать же ее взаперти, в самом деле? Что-нибудь соображу. Спокойной ночи, мама. Спасибо тебе за все.

– Ох, сынок… – Женщина жестом подозвала его к себе, обняла, прижала голову к груди. – Чудо ты мое… Ладно, беги к своей красавице. Как-нибудь разберемся.

Урсула, замотавшаяся во сне в покрывало – как сосиска в тесте, – вытянулась вдоль стены. Середин посмотрел на ее розовые пятки, на уткнувшиеся в стенку, неровно подрезанные ноготки, вздохнул, подобрал со стула ремень и открыл сумку. Денег в документах осталась какая-то мелочь. Плюс – доисторические монетки, что так и болтались на самом дне, под хрустальными подвесками от люстры.

Олег выложил стекляшки на стол, осмотрел, потом наклонился и вытащил из-под стола фанерный ящик со всяким хозяйственным мусором, который держал на всякий случай. Обрезок капроновой веревки для белья лежал сверху. Середин аккуратно разделил его на пять волокон толщиной миллиметра в два, протиснул одну из получившихся нитей в отверстие на «капельке», сложил вдвое, затянул узел у самого грузила, потом – на локоть выше, и еще один – выше примерно на полторы ладони. Отрезал лишнее, просунул руку в петлю, взмахнул получившимся оружием. Вид у кистеня вышел донельзя праздничный, но ощущение он оставлял точно такое же, как и потерянный серебряный. А тем, серебряным ведуну доводилось кирасы рыцарские до ребер проминать.

– Интересно, расколется, коли в железный лист ударить или выдержит?

Проверить было не на чем, а потому оружие Олег отправил в сумку, оставив снаружи только верхний узелок – чтобы выдернуть можно было одним движением. Опять поворошил пальцем старые потертые монеты.

«А ведь это все же деньги… – неожиданно пришло ему в голову. – В кассе ими не расплатиться, но вот нумизматы… Нумизматы могут и купить. Вот оно! А я мучаюсь. Продам – глядишь, Урсуле на тряпье хватит. Нафиг они мне в этом времени?»

* * *

Первую половину вторника Середин потратил на выгибание кронштейнов – к обеду от кучи заготовок осталось всего полсотни штук. Бросив кузню открытой, Олег переоделся, оседлал мотоцикл и помчался в центр, к любимым туристами проулкам с якобы старинной мостовой, украшенным фонтанами и новомодными памятниками, с домами восемнадцатого века и множеством магазинчиков, торгующих тем, что не нужно никому из нормальных горожан: сувенирами, картинами, буклетами и всякого рода старьем.

– Ах, простите, древностями, – поправился ведун, протискиваясь к тротуару между сверкающим аэрографией «Мерседесом» и допотопной «Победой», что стоила на сегодня примерно в три раза дороже «немца». – Извините, ребята, я ненадолго.

Пройдя метров триста вглубь пешеходной зоны, Середин толкнул украшенную четырьмя окошками, тяжелую железную дверь, плохо замаскированную под мореный дуб, спустился по ступеням в прохладный подвальчик небольшого, в три комнаты, антикварного магазина и медленно двинулся вдоль прилавков, разглядывая медальончики, янтарные четки, рубиновые кулоны, яхонтовые браслеты и прочие безделушки.

– Вам помочь? – моментально ринулась навстречу миловидная девушка в синей юбке и такой же жилетке, надетой поверх белоснежной мужской рубашки.

– Вы продаете старинные монеты?

– Разумеется. Какой именно век и какие страны вас интересуют?

– Русь и Средняя Азия, примерно девятый век.

– Да, это здесь, в большом зале, – обрадовалась продавщица и заторопилась в соседнюю комнатку.

– И я хочу не купить, а продать, – добавил Олег.

– А-а… – тут же обмякла девушка, словно из нее воздух выпустили. – Это к Вячеславу Григорьевичу надо, он у нас ассортимент отслеживает.

– И где его найти?

– В конце оружейного зала крашеная дверь, за ней коридор и первая дверь направо.

– Спасибо на добром слове, юная леди…

Оружейный зал оказался комнаткой метра четыре на четыре. В углу за прилавками имелась низкая, метра в полтора, дверца, покрашенная под цвет стены, внешне более похожая на дверцу стенного шкафа или пожарного крана. Однако за ней обнаружились еще четыре ступени, ведущие в узкий коридорчик – чуть больше полуметра шириной. В двух шагах далее и была дверь из кровельного железа, но с медной ручкой и замочной скважиной. Ведун постучал.

– Да, я здесь! – отозвались изнутри.

Олег толкнул створку и с облегчением оказался внутри конурки где-то метра два на два. Во времена Екатерины Великой здесь, наверное, держали ведра и метлы местные дворники. Теперь, учитывая стоимость площадей в «исторической застройке», подобный кабинет стоил очень много. Солидный, в общем, был «офис»: со столом, плоским стеллажом для бумаг, креслом для хозяина и маленьким окошком у него над головой, под самым потолком. За окошком то и дело мелькали ноги, но разглядеть что-либо выше колен было невозможно.

– Вячеслав Григорьевич? – на всякий случай уточнил ведун у сладко пахнущего мачо средних лет и средней же упитанности, но с тонкими усиками, тонкой бородкой и черными, как каменный уголь, волосами, гладко прилизанными к затылку.

– Чем могу быть полезен, уважаемый… уважаемый?..

– Можно называть меня просто Олегом, – разрешил Середин. – Я привык. А полезен… Я могу быть полезен вам тем, что готов расстаться со старыми монетами, что завалялись у меня дома.

– Копейки, полтинники, гроши? – презрительно дернулась верхняя губа мужчины.

– Не уверен. По-моему, в девятом веке их называли немного иначе… – Ведун раскрыл сумку, нащупал в ней несколько монет и выложил на стол.

– Чешуя? – встрепенулся мачо. – Ну, хоть что-то! А то тут иные даже пятаки брежневские впарить пытаются… Ну, могу взять по рублю за штуку. У вас их много?

– Електрическая сила! – не удержался от возгласа Середин. – Монеты девятого века?

– По рублю, молодой человек. А вы думали? – Вячеслав Григорьевич откинулся в кресле и довольно расхохотался: – А вы думали, что добыли сокровища капитана Флинта? Клад, наверное, попался, да? Бывает, бывает… – Он поелозил ухоженными пальчиками с ровными, чистенькими ногтями по столу вокруг монет. – Понимаете, молодой человек… Дело в том, что большая часть кладов наполнена именно этими новгородками. Самая ходовая, видать, была монета. Так что денег этих много, а собирателей на них, увы, мало. Это во-первых. А во-вторых, в чистоте металла в те времена разбирались слабо, серебром считали чуть ли не все, что блестит. Ныне же вся эта чеканка проходит под грифом «изделие металлическое с примесью серебра» и никакой иной, кроме музейной, ценности не представляет. Вы их даже в лом не отнесете – не примут. По современным меркам, это не серебро. Хотя, чего я убеждаю? Пойдите в зал, там ваши сокровища по двадцать два рубля в сувенирных пакетиках лежат. Причем уже начищенные, отборные и вместе с упаковкой.

– Все же двадцать, а не один.

– Повторяю, они уже начищенные и красиво упакованные. А ваши монеты – грязные и истертые. К тому же, новгородки продаются очень плохо, и брать их у вас вообще не имеет смысла. По рублю я еще готов вложиться. Года за три-четыре как-нибудь разойдутся. Дороже – смысла нет. Можете оставить себе на память. Детям будете показывать, что наши предки тысячу лет назад в руках держали, чем им зарплату выплачивали.

– Понятно… – Середин забрал «чешую», поворошил содержимое сумки, достал крупные монеты, начал выкладывать по достоинству: три дирхема, дукат, динар, змеевик.

– Какие истертые… – Вячеслав Григорьевич покрутил между пальцами дирхемы. – По достойной цене не выставить. Но по двадцатке за каждую могу дать. Не сувенирные это монеты, не наши. Спросом у туристов не пользуются. Дукатик венецианский! Странно, что он здесь у кого-то в кладе оказался, они чаще на юге попадаются. Три грамма золота. Жалко только, низкопробного. Но золото есть золото, да и падки на свои денежки итальянцы. Пожалуй, рублей в триста я такую монету оценю. Так, динар: золота в нем побольше, качеством похуже, туристы из Европы их почти не знают. Ну, пусть будет триста. А это что такое?

Ведун заметил, что руки антиквара дрогнули, как дрогнул и голос. Даже на висках как будто проступили капельки пота.

– Змеевик золотой. Похоже, согдианский, из Средней Азии… – Мачо пытался вести беседу так же непринужденно, как и раньше, но голос его звучал фальшиво. – Ну, я вам говорил, каково было качество драгметаллов в те дикие времена… Азиатские монеты, они не очень… Но вы знаете, такого у меня нет. Для ассортимента разве… Эх, была не была! Рискну. Тысяча. За одну эту монету – тысяча! – Цокнув золотом о столешницу, антиквар положил змеевик перед собой и полез во внутренний карман. – Итого за все вместе… Тысяча семьсот…

– Все равно не деньги, – одним движением сгреб со стола монеты Середин и развернулся к двери. – Извините за беспокойство.

– Подождите, куда вы? – метнулся из-за стола Вячеслав Григорьевич. – Я же… Я же говорю, у меня нет в ассортименте этой монеты. Подождите! Пусть будет две! Я дам за ваши монеты две тысячи рублей. Да не спешите так! Хорошо!

Пусть будет две тысячи за один только змеевик. Сейчас я достану…

Однако Олег уже понял, что его собираются надуть и более торговаться не собирался. Он просто вышел в коридор, прикрыв за собой погрохатывающую жестью створку. Несколько мгновений спустя мачо нагнал его в «большом зале»:

– Я согласен на пять. Пять тысяч! Плачу сразу! Шесть… Семь…

– Давайте закончим, – попросил Олег. – Я раздумал расставаться с монетами. Они дороги мне как память.

– У меня больше денег все равно нет!

– Вот и хорошо, – кивнул ему Середин, поднялся по лестнице, вышел на улицу.

И почти сразу позади хлопнула дверь:

– Этот разговор все равно не имеет смысла! Она может оказаться поддельной… – Вячеслав Григорьевич вновь нагнал его и со странным припрыгиванием зашагал рядом. – Ее нужно проверить… Я могу это сделать… Я готов дать за нее залог. Тысячу. Не рублей, молодой человек, тысячу долларов. Вы мне не верите? Ну, две. Три… Она таких денег просто не стоит! Пять!

Мужчина наконец-то отстал. Но ненадолго.

– Подождите! – Антиквар опять оказался рядом. – Подождите… Оставьте хотя бы свой телефон. Я уточню все и перезвоню. Возможно, получится решить вопрос еще более интересным для вас образом.

– Ладно, записывайте, – решил пойти на компромисс Олег. В конце концов, торговец вполне может созреть на более честные предложения. Почему бы и не оставить себе выбор? Лишний покупатель – лишняя возможность поторговаться. Но цены на змеевики нужно обязательно проверить в разных источниках!

– Я обязательно перезвоню, – золотым «паркером» записал себе на ладонь семь циферок мачо и вдруг решительно сжал кулак: – Эх, была не была! Десять! Десять тысяч долларов! Имейте в виду, больше вам никто и никогда не даст! Это

совершенно точно!

– Такую хорошую монетку есть смысл сохранить детям в наследство, – покачал головой Середин. – Дешевле она ведь теперь уже не станет.

– Это мое последнее слово! Десять! Вы понимаете, что это такое? Я даю вам новую импортную машину за старую монету. Десять. Ну, самое большее – одиннадцать… Ну, как знаете, упрямец! – Антиквар наконец развернулся и отправился в свой магазин.

Олег облегченно перевел дух, немного выждал, перешел на другую сторону улицы, сделал круг возле вороненого трубочиста, подмигнул бронзовому городовому, постоял у часов, похожих на старинный столб для театральных афиш, после чего побрел в обратном направлении и вскоре наткнулся еще на одну антикварную лавку. Эта находилась не в подвальчике, а наоборот, на уровне первого этажа – видимо, переделали из бывшей квартиры. В остальном же она мало чем отличалась от предыдущего магазина. Ну, пожалуй, еще продавщицами – обе были примерно сорокалетнего возраста и одеты в обычные светло-коричневые халаты.

– Вам что-нибудь показать? – отделилась от подоконника дама с рыжей кичкой на голове.

– Я клад нашел, – похвастался Олег и разжал кулак, демонстрируя несколько новгородских чешуек.

– Сочувствую, – усмехнулась дама.

– Как по-вашему, сколько могут стоить старинные монеты?

– Эти? Ничего.

– А какие стоят?

– Хотите разбогатеть на кладоискательстве, сударь? Тогда советую найти десяток долларов времен наполеоновского нашествия. Все эти государства-новоделы, не имеющие истории, испытывают комплекс неполноценности и

готовы выкладывать «дохлых президентов» стопками. За доллар, коему всего два века, вы выручите раз в десять больше, чем за сикл, который в пятнадцать раз старше.

– Это сколько?

– За доллар? Ну, если повезет, тысяч за десять зеленых фантиков продать сможете. А сильно повезет – так и за двадцать. Тут очень много от чистого везения зависит. Реклама, антураж, легенда, состояние находки… Хотя, пожалуй, антураж важнее. В позапрошлом году, помнится, в Англии при работах на дне реки Уз нашли золотой манкус девятого века. Монета, отчеканенная королем Кенвульфом. Какой-то бедолага обронил ее тысячу с лишним лет назад на речном берегу в Бедфордшире. Так вот, ее удалось продать за четыреста тысяч долларов. Четыреста тысяч! Застрелиться можно! Три грамма не такого уж хорошего золота, плюс неплохо сохранившийся профиль мелкого феодала… К чему это я о нем заговорила? Ах, да! Хороший антураж, красивая легенда: работы на дне, тысяча лет среди ила и рыб, статьи, передачи. Я думаю, если бы эта же самая монета была выставлена из какой-нибудь тихой коллекции на оценку знатоков, счастливчик не получил бы и десятой части этой суммы. Собственно, даже тридцать-сорок тысяч долларов – уже запредельные суммы для нумизматики. Большинство раритетов переходят из рук в руки тысячи за две, три, четыре…

– Это тоже девятый век, – подбросил новгородки в руке ведун.

Женщина многозначительно улыбнулась.

– Понял, не дурак. – Середин высыпал монеты обратно в сумку. – Значит, получить за самую хорошую монету больше десяти тысяч долларов проблематично?

– Я бы не была так категорична. Если очень, очень сильно повезет – то легко. В Англии еще много нечищеных рек.

– У меня нет загранпаспорта. Может, покопаться поближе? В Средней Азии, например. Там тепло, там цивилизация чуть не со дня сотворения мира.

– Цивилизации-то там древние, но не европейские. Западники вообще стараются делать вид, что до Древнего Рима нигде ничего не существовало. А они – основные покупатели на антикварном рынке. Так что не тратьте времени зря. Я ни разу не слышала, чтобы среднеазиатские монеты уходили дороже, чем за полторы тысячи рублей. На них не разбогатеешь.

– Даже те, на которых изображены головы со змеиными ногами?

– Змеевики? Так это не монеты, сударь мой, это амулеты, медальоны. Самый знаменитый – это змеевик Ярослава Мудрого, якобы утерянный им в Муроме и найденный уже в наше время археологами. Но это музейный экспонат. Его никто, разумеется, не продаст. Однако, и других змеевиков по рукам много ходит, штучки красивые и недорогие. Они на Руси очень популярны были после принятия христианства. На одной стороне обычно собственно змееногое существо чеканилось. Вроде как символ мудрости и здоровья, от болезней и обмана помогал. А на обороте крест или распятие изображалось. Вот и получалось: вроде, и христианин владелец, крестик носит.

– Крест – это символ перекрестка, оберег, покровитель путников, – машинально поправил Середин. – А среднеазиатские змеевики встречаются? Ну, монеты с таким реверсом?

– Откуда? Это чисто русская символика. Не узбеки же змееногую женщину пять тысяч лет назад на берегу Онежского озера высекли!

– А согдианцы?

– А-а, и правда, – хлопнула себя по лбу продавщица. – Ходят иногда слухи о согдианских монетах. Как раз о змеевиках. Но знаете, сударь, по-моему, этих монет никто и никогда в глаза не видел. За них даже кто-то из шотландцев… Нет, швейцарцев… Кто-то из швейцарских коллекционеров награду назначал… Или шведов…

– Большую?

– Не знаю. Может, и большую. Почему бы и не пообещать тонну денег за то, чего в природе не существует? Да и давно все это было. Заглохла уже, наверное, та история.

– Давно – это сколько? Год, два?

– Не-ет, совсем давно. Я еще только работать начинала. В начале перестройки, как рынки западные открылись, ажиотаж страшный начался, все так и вынюхивали, что можно быстро и дорого лохам импортным впарить. Тогда и всплыла история с наградой… Пожалуй, что и тогда эта история уже старой была. Наверное, где-то после войны ее объявили, награду. А может, и вообще до войны. Никто и не знал, действительно еще это предложение или нет. Но ни одного согдианского змеевика найдено, естественно, не было, и про награду благополучно забыли. Хотя искали на совесть. Все развалины на юге страны просеяли, все колодцы вычистили.

– При чем тут колодцы?

– Так примета на Востоке есть: в колодец, как отроешь, серебряную монету нужно бросить, чтобы служил долго, не пересыхал, чтобы вода не портилась. А у нас в Узбекистанах-Таджикистанах иной колодец вдвое старше Римской империи будет…

– Ясно. Значит, искать там нечего. Все успели вырыть до меня.

– Пожалуй, что так, сударь. Уж лучше в Архангельскую область поезжайте. Там холодно, малолюдно. Кладоискателей почти нет. И виза, опять же, не нужна.

– Спасибо на добром слове, боярыня, – привычно поклонился ведун. – Да пребудет с тобою милость богов и любовь твоего достойного мужа.

– И вам… сударь… того же желаю… – несколько растерялась от столь витиеватого прощания продавщица.

Однако Олег пропустил ее слова мимо ушей, вышел из лавки, на ходу застегивая шлем, быстрым шагом пересек улицу, вытолкал мотоцикл на проезжую часть, завел и покатился по правой полосе, обдумывая услышанное.

Значит, среднеазиатские монеты дороже пятидесяти долларов не продаются… Откуда у него змеевик, Середин знал точно: из халифата привез, где его рабом почти полгода продержали. За точное место он поручиться не мог, но где-то

возле Самарканда копал он оросительные канавы. Много таких монет он тогда после побега унес, однако большая часть разошлась на житейские нужды. Торки обобрали его изрядно, потом много необходимых для путника вещей в Муроме покупать пришлось. Да еще в поход ответный сбираться… Вот только одна и завалялась. Неужели именно она может сделать его богатым? Судя по истерике, случившейся с первым антикваром, стоить она должна гораздо больше десяти тысяч «зеленых». Следовало бы разведать о размерах обещанной награды, а то как бы не продешевить.

Оставив мотоцикл перед въездной ямой, Середин поднырнул под шлагбаум, прошагал к кузне и включил наддув горна. Скинул куртку и штаны, натянул рабочую спецовку, толкнул наружу дверь – чтобы не так жарко было, – и едва не сшиб остроносого мужичка в коричневом пиджаке поверх бадлона с высоким воротом. Тот отпрыгнул, извинился. Олег кивнул и вернулся к работе, вспоминая, где мог видеть это лицо. Ответ всплыл почти сразу – в антикварной лавке! Мужик зашел следом за ним и крутился рядом, когда он разговаривал с продавщицей.

«Неужели кто-то решил настучать, что я с работы на целый час свалил? Нет, вряд ли. Скорее, просто совпадение».

Он вернулся к горну и ухватил клещами очередную заготовку. Мысли вернулись к так удачно уцелевшему в поясной сумке змеевику. Если он стоит хотя бы двадцать тысяч – это значит, что хватит не только одеть невольницу с ног до головы, но и сделать ремонт в квартире с заменой полов и окон. А если тридцать – то купить мебель, и еще на новый мотоцикл останется.

«Вот только где про все это узнать? Стаса нужно растрясти. Он, вроде, по Интернету полазить любит. Может, там чего-нибудь найдет?»

* * *

Однако в этот день добраться до клуба Середину не удалось. Едва он отъехал от автопарка, как двигатель верного «ижака» начал чихать, кашлять, дергаться, отчаянно дымить. Олег проверил свечи, зажигание, регулировки карбюратора –

мотоцикл категорически отказывался работать положенным образом. Причина обнаружилась, когда, протирая руки, он ощутил посторонний, но знакомый запах.

– Ну-ка… – Ведун открыл крышку бака, наклонился к горловине: – Неужели солярка? Вот японский городовой, кому же это делать было нечего?! Насолил, что ли, кому-то?

Если кузнец и не угодил кому из водителей, то не сильно. Могли ведь и сахара в бак кинуть – тогда вообще труба. Карбюратор – на промывку, двигатель, если не повезет, – в переборку. Солярка же всего лишь не горит. Слил, нормального бензина плеснул – и все в порядке. А то и просто в бак свежего топлива добавить – размешается, и все будет путем. На смеси с маслом двигатель ведь работает?

Вот только денег на бензин у ведуна пока не имелось. Пришлось, чихая, кашляя и дергаясь, кое-как шкандыбать к дому, отложив прочие дела на более удачный момент.

– Мой господин! – кинулась ему на шею Урсула, едва он переступил порог. – У меня будет шелковое платье! Настоящее шелковое! Как у старших жен кагана!

– Осторожно, не испачкайся, – вскинул руки вверх Середин. – Мам, откуда обновка?

– Я со старого своего решила перешить. Чего оно понапрасну в шкафу болтается? И кроссовки твои школьные нашла, в самый раз пришлись. Так что некоторое время можно без покупок обойтись. Только трусики и лифчик нужны. Мои не подойдут, а шить такие вещи я не умею.

– Спасибо, мам. За неделю я что-нибудь придумаю… – пообещал Олег и отправился в ванную.

Пока он отмылся, переоделся, поужинал, прошло часа два. Рукоделие к этому времени закончилось. Женщины вызвали его в комнату, и Урсула, привстав на цыпочки, совершила медленный оборот вокруг своей оси. Яркие красные тюльпаны с огромными зелеными листьями на небесно-голубом фоне в желтоватом электрическом свете переливались, меняли оттенки, двигались,

словно под порывами ветра.

– Великолепно! Мама, у тебя золотые руки!

– Моя госпожа самая умная и умелая на свете! – с готовностью подтвердила Урсула. – Это такое счастье, что я встретила ее на…

Громкий звонок прервал словоизлияния рабыни.

– Это еще кто на ночь глядя? – поднялся Олег с дивана.

Женщины двинулись к двери следом. Середин наклонился к глазку:

– Кто там?

– Откройте, милиция! – На площадке и вправду переминались трое людей в форме.

– А что случилось?

– Вы знаете этого человека? – Перед глазком замаячил искаженный оптикой снимок.

Ведун огляделся на невольницу и родительницу – одеты, потом отпер замок:

– Кого вы ищете…?

– Кого, кого, – проходя в дверь, передразнил сержант и внезапно ударил его кулаком в челюсть: – Тебя!

Середин отлетел на женщин, шарахнулся в сторону своей комнаты. Менты один за другим ввалились внутрь, в руках замелькали пистолеты. Сержант прихватил Олега за ворот, ткнул пистолетом в кончик носа, сворачивая его набок:

– Где она?

– Кто?

– Прикидываешься, дебил?

На этот раз он ударил плашмя «Макаровым» по лицу, но Середин все равно откинулся назад, головой врезавшись в дверь и упав уже в комнату. Тут же торопливо поднялся, размазал по лицу кровь, попятился, испуганно распахнув глаза:

– Не надо! Не надо, пожалуйста! Я не знаю, о ком вы говорите! Сюда никто не заходил! Только не бейте!

Он видел, как Урсула прижала руки к груди и замерла. Второй милиционер толкнул ее вперед, в комнату, шагнул следом и, опустив ствол вниз, заскользил по полкам и стенам оценивающим взглядом. Третий, видимо, отправился в большую комнату.

– Монета! Где монета?! Ты ее с собой таскаешь или прячешь где?

– Какая монета? Кто вам сказа…

– Козел!

От нового удара Середин распластался возле кровати, с размаху сунув руки под изголовье.

– Здесь я спрашиваю! Понял, урод?

– Я понял, я все понял! – вставая на четвереньки, ответил ведун. – Не надо меня бить! Я все, все…

Ладонь нащупала рукоять сабли, крепко ее обняла, и Олег рывком распрямил согнутое тело. Клинок, коротко свистнув, скользнул из-под постели через запястье с пистолетом ко второму менту, чиркнул его по горлу – ведун качнулся назад, смещая вес и утягивая за собой оружие, и обратным движением легко срубил голову сержанту. Похоже, тот даже не уразумел, что его рука отрублена и падает на паркет. Второй что-то успел сообразить – вскинул руки, захрипел,

упал на колени. Середин обогнул его и, ступая на носочках, быстро миновал коридор, зашел в мамину комнату.

Незваный гость по-хозяйски шарил по полкам мебели, вытряхивая содержимое многочисленных шкатулок хозяйки.

– Даже пистолет куда-то дел, – отметил Олег, остановившись в двух шагах за его спиной.

Тот вздрогнул, круто обернулся, выхватил из-за пояса оружие, передернул затвор и уже начал поднимать пистолет… Ведун тоже поддернул вверх кончик клинка и резко толкнул его вперед. Сталь легко пронзила китель и погрузилась в тело почти на локоть. Милиционер тихо икнул и обмяк, опадая на ковер.

– Ну вот, палас испортили. – Середин присел рядом и тщательно вытер клинок о штанину мертвеца. – Пятно теперь не отмоется. Придется выбрасывать.

– А-а-а-а! – запоздало заорала женщина. – А-а-а-а-а!!!

– Ты чего, мама? – удивился Олег. – Уже все. Все уже закончилось. Урсула! Взгляни, там дверь закрыта? А то еще заглянет кто на шум.

– Ты его убил! Убил!

– Конечно, убил, не беспокойся.

– Ты… Ты… Олег, ты убил человека!

– Где? – театрально огляделся Середин. – Где ты человека видишь? Или ты про это двуногое? Так это не человек. Это тать, душегуб. Тварь, вроде собаки бешеной. Чем раньше забьешь, тем меньше людей покусать успеет.

– Что… что теперь… – Матушка продолжала громко клацать зубами.

– Урсула, принеси воды! – крикнул невольнице Олег. – Ты посиди, мама, успокойся. Все хорошо. Все уже обошлось. Хотя ковер, конечно, жалко.

Он опять присел рядом с трупом и принялся не спеша, методично обшаривать карманы, выкладывая прямо на пол их содержимое: платки, расческу, ключи от квартиры, паспорт, портмоне, еще одни ключи.

– О, да ведь это опелевский брелок. Значит, они на машине. Будет на чем вывезти в последний путь. А вот ментовских документов нет. Похоже, косили гаврики под стражей порядка, не настоящие.

– Ты… Ты чего делаешь?

– Ищу… Все, что может быть интересного. Они ведь знали, куда шли. Сразу про монету спросили. Неужели антиквар навел? Хотя, непохоже. Мачо знал, что она у меня с собой. А эти были не уверены. Знали только в общих чертах… Выследили, что ли? Разговор слышали, а товар не видели… О, триста баксов. Тоже неплохо. И рубли… Тысячу – мне на бензин, остальное – вам на трусы и шпильки.

– Это мародерство! Я не прикоснусь к этим деньгам!

– Что же их теперь, выбрасывать? Коли руки жгут, так отдай завтра же продавцу в магазине.

– Ты… Как ты можешь, Олег? Ты… Ты только что человека убил, а ведешь себя… Ведешь себя…

– Я веду себя, мама, как человек, которого только что чуть не зарезали. Радуюсь тому, что остался жив.

Женщина вдруг плюхнулась на диван, прижала ладони к лицу и разрыдалась.

– Урсула, да где же ты?! – рявкнул ведун.

– Бегу, господин… – Невольница просеменила через порог, опустилась на колени возле ног хозяйки: – Выпей, мама. Это очень вкусно. Не бойся. Господин – хороший. Он всегда всех убивает, с ним можно никого не бояться.

Подавившись глотком воздуха, Середин пнул девушку, покрутил пальцем у виска. Она – даром что первый раз в жизни этот жест видела – сообразила, закивала:

– Выпей, мама, отдохни. Они больше не придут. Они все закончились. Я закрыла дверь. Теперь у нас спокойно и тихо.

Зубы громко застучали о край чашки, женщина шумно прихлебнула. Потом еще раз. Наконец, успокаиваясь, спросила:

– Ты как, Урсула?

– Не знаю. Я же не была тут никогда. Не знала, страшно это или ничего.

– Какие подонки! Какие сволочи! Что… Что мы им сделали, чтобы они так?.. Жили спокойно, и вдруг…

– Убивать их всех надо, – скромно продолжил ее мысль Олег.

Похоже, мама успокаивалась. Ведун отправился в свою комнату, быстро сдернул с покрывала кровати отрубленную голову. Но было поздно: вытекшей крови хватило, чтобы испортить и старый плед, и ватное одеяло под ним.

– Вот, уроды! – сплюнул он. – Даже когда дохнут, и то нагадить норовят! Жалко, мертвые уже. Я бы вас еще раз зарезал, робин гуды хреновы.

Середин обыскал тела, но больше ничего интересного не обнаружил – ни документов, ни записных книжек. Ничего, что могло бы подсказать, откуда у гостей появилась наводка на змеевик. Зато нашлись два сотовых телефона и еще пятнадцать с лишним тысяч рублей. Похоже, в финансах ворье проблем не испытывало.

– Жили красиво, но недолго, – переложив добычу в сумку, сделал вывод Олег. – Сами понимаете, жмурики, замена порченого барахла – за ваш счет.

Опустошенные бумажники он пихнул обратно в карманы, а с ключами от машины спустился во двор, прошел вдоль дома, свернул на улицу. Остановился возле

довольно потрепанного «Опель-астра» с подгнившими понизу дверцами и плохо выправленной задней стенкой багажника, оглянулся, вставил ключ в замок дверцы, повернул. Открылась! Значит, машина именно та, что он искал. Ведун захлопнул салон, обошел сзади, открыл багажник.

– Отлично! – Никакого барахла тут не валялось и места хватало аккурат на пару тел. Еще одно можно сунуть в салон. – А это что?..

Он подтянул к себе бутылку из-под «Пепси» с маслянистыми пятнами на этикетке, понюхал.

– Электрическая сила, солярка! Значит, и правда выследили… Тяжело, видно, за мотоциклом по городу угнаться на этой лохматке, вот и подлили, чтобы не газовал. Хитрые ребята… были.

Он захлопнул багажник и отправился домой.

Сбора для крепкого и надежного отвода глаз ведун сделать еще не успел, а потому предпочел подстраховаться и дождаться темноты. Словесный морок хорош, когда волю и внимание у человека перебарывать не нужно – на подозрительного же смертного может и не подействовать. А так, в сумерках, Олег наговорил на длинные свертки с телами вид смотанных вместе пластиковых стеновых панелей. Свертки сгибаются – и панели сгибаются. Свертки длинные – и панели длинные. В темноте одно от другого и не отличить. Если Велесовым словом помочь, конечно.

Еще один заговор Середин приготовил, чтобы гаишников на выезде из города убедить, будто документы на машину верные. Но это не понадобилось: «Опель» с одиноким водителем стражей порядка не заинтересовал.

Ровно в полночь – как специально подгадал! – он остановился на пахнущем мокрой шерстью мосту через Оредеж, за деревенькой с гостеприимным названием Мины, открыл багажник и одно за другим скинул тела в реку: навкам на развлечение, ракам на угощение. После чего развернулся и в три часа ночи уже захлопнул дверцу автомобиля в квартале от своего дома. Лечь спать в итоге получилось только в четыре утра, а в шесть тридцать он уже поднялся на работу – нужно было успеть заправить еле ползающий мотоцикл. То есть съездить с канистрой к заправке, в стороне от оной смешать бензин с маслом, перелить в

бак, смотаться домой, чтобы спрятать «банку» в кладовку… Как раз полчаса и пролетело. Осталось только заправиться самому – яичницей и бутербродом с колбасой, – и пришлось срываться на работу.

День прошел с одной-единственной мечтой: поспать. Олег стучал молотом по раскаленному железу и представлял, как всего через пять часов остановится возле дома, забежит на третий этаж, разденется, сразу нырнет в постель, под чистую сатиновую простынку, ляжет набок, подобьет подушку под плечо, уткнет голову в мягкое ее брюшко и закроет глаза. Через четыре часа… Через три…

Но когда Середин закатил мотоцикл на привычное место, оказалось, что его уже ждали.

– Олежка! – помахала рукой мама с лавки, что стояла напротив парадной, под старыми, чудом уцелевшими еще от колхозного сада, яблонями. – Ну, наконец-то! А мы тебя заждались.

– Ты почему не дома? Случилось что? – Ладонь рефлекторно потянулась к поясу, но привычной сабельной рукояти нащупать не смогла. Не полагалось Олегу сабли в родном двадцать первом веке.

– Случилось, случилось. Ковер мы с дочкой купили, в комнату, а самим не унести – тяжелый.

– С кем? – Середин перевел взгляд на поднявшуюся следом коротко постриженную девчушку с золотыми серьгами, в облегающем пятнистом платье, и не без удивления узнал в ней свою рабыню. Покачал головой: – Привет, сестренка. Эк тебя…

– Вот, смотри, господин! – счастливо улыбаясь, вытянула она руки перед собой. Ее аккуратно подпиленные ноготки переливались перламутром с серебристыми искорками. – Мы были в большом холодном доме, и там служанка госпожи…

– Все ты путаешь, Урсула! – возмущенно отмахнулась женщина. – В парикмахерской мы были. Пока мастера ждали, заглянули в косметический кабинет. И не служанка, Урсула, а слу-жа-ща-я! Она у тебя, Олежка, умница, но иногда кажется, что первый раз в город попала.

– А еще госпожа купила мне штаны и куртку парчовые и суконные, и штаны из паутины, и черевики цветные, и черевики белые на завязках, и…

– Мама, чем вы занимались? – перевел взгляд на родительницу Середин.

– Вещи порченые заменили, – пожала плечами женщина. – Одеяло, плед. Урсулу одели и в порядок привели. А то ты замучил ее совсем, домой не отпускаешь.

– Я?! – изумился ведун, но тут же спохватился: – Да, действительно. Я же дня без нее прожить не могу. Никуда не отпущу, со мной всегда рядом будет. Если ты не разбалуешь. Ладно, пошли за твоим ковром. Все деньги потратили, или осталось чего?

– Ты же сам сказал, нечего их в доме оставлять, – напомнила матушка. – Не выбрасывать же, в самом деле?

Единственным утешением для Середина стало новенькое, пухлое синтепоновое одеяло. Правда, забрался он под него только после полуночи. До той поры ему пришлось передвигать мебель, дабы расстелить новый ковер, принимать участие в торжественном ужине по поводу удачных покупок, а также созерцать новые наряды невольницы: джинсы с блузкой, джинсы с курткой, голубой деловой костюм, платье, сарафаны, домашний фланелевый костюм, рабочий джинсовый костюм, куртку с кепкой, куртку с шапкой; далее последовало дефиле в туфлях, в кроссовках, в тапках, в колготках и без оных… Урсула была счастлива, словно попала в земной рай. Матушка – тоже. Кажется, она нашла себе отличную игрушку, с которой можно позабавиться в пенсионной безмятежности: послушная, всегда радостная, не претендующая на свое мнение и вкус. Просто кукла Барби, а не человек.

– Перчатки нужно завтра купить, – наконец подвела итог женщина, – пальто на случай плохой погоды и зонтик. Мой, кстати, тоже на сгибах протерся. Да, доченька?

– Да, мама.

– Ну, не буду вам мешать, – выбрался из-за стола ведун.

– Можно я помою посуду, мама?

– Конечно, деточка. Убирай. Ой, я тут пролила…

– Не тревожься, мама. Я уберу.

Идиллия! Аж тошно.

Вернувшись в комнату, Середин с облегчением разделся и, закрыв в полете глаза, устремился на подушку лицом вниз. Зазвонил будильник. Олег ругнулся, протянул руку, чтобы его переключить – и понял, что наступило утро. Рядом раскинулась обнаженная невольница, за окном алыми отблесками на редких облаках набирал силу рассвет.

– В лес хочу, – пробормотал ведун. – К волкам, медведям и росомахам. К лешим, травникам и берегиням. Ко всем, у кого нет часов. И кто не мешает спать, пока бока не заболят.

Он поднялся, сходил на кухню, сунул в микроволновку тарелку с картошкой, мясом и грибами, ополоснулся в ванной, перекусил, оделся, опоясался ремнем, сладко зевнул, поправил свисающий с края поясной сумки хвостик кистеня. Остановился, прислушиваясь к сонной квартире. Никто из женщин, судя по всему, провожать его не собирался.

– Живут же люди. Мне бы так…

Он подхватил со стола шлем и вышел из квартиры, нарочито громко захлопнув дверь.

* * *

К полудню случилось чудо: груда кронштейнов, казавшаяся бесконечной, все же иссякла. За полчаса до обеда Олег согнул последнюю железяку и опустил ее в покрытую маслянистой пленкой воду остывать, после чего с чистой совестью

вымыл руки, скинул спецовку с пропалинами на верстак и отправился в столовую. Ради такого случая полчаса рабочего времени он готов был себе простить. Поднявшись на второй этаж административного здания, ведун занял очередь к прилавку, но тут его тронул за плечо рыжий и вечно лохматый Семен из воздушного цеха:

– Олег? Ты здесь? А тебя, вроде, на проходной какой-то мужик спрашивал.

– Давно?

– Да только что! Я сюда шел, он как раз с вахтером ругался. Натуральный браток, кстати. Так что Титаныч наш сразу стойку сделал, не пускает. Тут у нас слух прошел, что московские какие-то нашу базу прибрать хотят. Документы якобы успели смастрячить. Так директор давно всех настро…

– Ладно, – не дослушал его Середин. – Если успею – я перед тобой занимал, понял?

Он быстрым шагом вышел за дверь, сбежал вниз по лестнице, свернул к вертушке проходной и наклонился к вахтеру:

– Саш, меня искал кто-то?

– А то! – Седовласый татарин Шафийхула Арипов, прозванный за упрямство Титанычем, кивнул и раздраженно поправил коричневый китель с бляхой. – Вон, в курилке сидит. Чуть вертушку не сломал. Я уж в милицию звонить начал – только тогда успокоился.

Мужик в курилке производил достойное впечатление: остриженный почти под ноль, с габаритами Добрыни Никитича – кожаная куртка, годная на попону для ломовой лошади, была натянута на спине, как кожа на барабане; предплечья имели толщину бедра борца сумо; на ногах красовались кирзачи такого размера, что нога Шварценеггера влезла бы в них прямо в ботинке.

– Кто тут меня искал? – громко поинтересовался ведун, выходя за дверь.

Богатырь оглянулся, прищурился. На вид – лет сорока, глаза без бровей и ресниц, по низу подбородка – полоса черной щетины. Добриться, что ли, не успел? Дело такое срочное?

– Олег Середин ты будешь? – Посетитель выпрямился, оказавшись на две головы выше ведуна. А Олег, между прочим, коротышкой никогда не считался.

– Я, я.

– Што же ты телефона нормального купить не можешь? На, дарю!

Богатырь схватил Середина за руку, повернул ее ладонью вверх и прихлопнул плоским мобильником.

– С чего такая щедрость?

– Узнаешь… – Незнакомец прошел мимо и забрался в дверцу припаркованного на газоне серебристого джипа. Тот бесшумно дернулся вперед, откатился, провернул колесами по траве, спрыгнул с поребрика и помчался в сторону центра.

– Спасибо… – запоздало пробормотал ведун, разглядывая подарок. – Интересно, кто это такой щедрый? Или… Или это поклад?

Покладом Ворон называл некую вещицу, снаряженную мощным проклятием, которая подбрасывалась жертве, если иначе до нее было не добраться. Например, монету можно заговорить и на дороге бросить. Глупый смертный поднимет, в карман сунет – вот тебе и порча. Или подарок хороший в дом хозяину прислать. Чтобы не отдал никому, не отложил, рядом оставил. Тут на него сглаз и перейдет.

– Саня, у тебя аптечка есть? – наклонился к окну Титаныча Середин. – Бинт не дашь? Поранился я маненько.

– Свой нужно иметь, раззява. На, бери…

Аптечка на проходной висела на самом видном месте, как и полагалось по инструкции еще советских времен.

В кузне ведун достал из сумки крестик, примотал на положенное место, к запястью, провел рукой над телефоном. Чуть тепленькое, распятье на подарок совсем не отреагировало. Тогда Олег полез в меню аппарата, надеясь найти там какую-нибудь подсказку. С непривычки не понял ничего, кроме того, что записная книжка и список эсэмэсок пусты. Из интереса попытался позвонить домой и с минуту слушал длинные гудки – видать, Урсула с мамой снова отправились за покупками.

– Мне бы их заботы, – отключил он мобильник. – Ладно, пойду все-таки перекушу.

Но едва Олег бросил трубку поверх спецовки, как экран загорелся, а сам приборчик завибрировал, издавая соловьиную трель.

– Алё? – нажав на синюю кнопку, прижал ведун к уху телефон.

– Середин Олег? – зычно уточнили у него. – Ты знаешь девицу с разноцветными глазами и старую полулысую бабу? Знаешь? Тогда слушай. Ну, давай, шлюха, скажи чего-нибудь. Деррик, объясни… – Послышался шлепок.

– Подонки, негодяи! – Олег сразу узнал мамин голос, и внутри у него похолодело.

– Теперь второй.

– Ой, больно! – воскликнула Урсула.

– Ну что, все понял, придурок? – грубый голос опять перекрыл все прочие звуки. – Хочешь получить баб назад – привози монету. Понял?

– Куда? – Середин обнаружил, что звуки речи иногда оказываются столь тяжелыми, что их приходится ворочать языком, точно огромные валуны. Короткое слово – а сил отняло, как целый рабочий день.

– Поедешь от Шушар на юг, до совхоза Тельмана. Там недалеко, километров двадцать. Повернешь на шоссе к совхозу, через пару километров слева будет

мост. Переедешь его и покатишься по прямой через поле, по грунтовке. Там нас увидишь, далеко не уедем. Часа тебе хватит. Все, собирай манатки…

– Она не со мной, – не без труда выдохнул Олег. – Нужно… забрать…

– Время тянешь? – с той стороны ехидно хохотнули. – Так мы подождем. Хоть до утра. Но коли ты баб с нами на ночь оставишь, одна из них точно к утру изменится. И очень сильно. Понимаешь, о чем я говорю? Так что сам выбирай, торопиться или не надо. А то через пару часов мои мальчики и днем заскучают. Поразвлечься захотят.

– Я успею. До восьми успею.

– Самый умный? Ты дебил и терпила, урод. Никаких ментов ты привезти не сможешь, потому как за тобой приглядывают. Огрех тебя где нашел? Как думаешь, откуда он знал, где искать нужно? Так что бери ноги, втыкай в задницу и телепай, куда сказано!

– Она не со мной, – тихо повторил Середин.

– Сейчас час дня. Если в пять тебя не будет на месте, ребята начнут развлекаться с твоими бабами. Они нам целыми не нужны. На крайняк, тебя самого заловим и в углях будем жарить, пока не расколешься. В пять!

Телефон отключился.

– Проклятье! – Ведун сел на пол и откинулся спиной к холодной стене.

Он понимал, что нужно ехать. Но понимал и то, что живым никого из них уголовники не выпустят. Зачем? Место они назначили глухое. Режь, стреляй, живьем закапывай – никто не услышит и не увидит. Кто же на этот раз навел? Какая сволочь? Теперь, пожалуй, точно антиквар. Со случайными свидетелями их уличной беседы он пообщался позавчера.

– Убью подонка. Пусть меня там в поле хоть четвертуют – из могилы достану. Японский городовой, как же мне их вытащить? Одному не справиться, они наверняка с огнестрелами. В милицию нельзя, узнают. Тогда как? Проклятье!

Он с силой ударил кулаком по верстаку и стал переодеваться.

Первые две улицы Олег промчался, выжимая из «ижака» все его лошадиные силы и поглядывая в зеркало заднего вида, но за первым же светофором скорость сбросил. Заметит он слежку или нет – не важно. Все равно обращаться в милицию слишком рискованно – все же о судьбе самых близких ему людей речь идет. Если он от «хвоста» в самом деле оторвется – только хуже сделает. Не зная, куда он мотался, уголовники могут испугаться и убить заложников… Пусть лучше смотрят.

На Первомайской улице, петляя между ямами, Середин пару раз оглянулся – но следом за ведуном в тихий безлюдный тупик никто не повернул. Похоже, никто за ним не приглядывал, просто пугали. Или знали, что отделения милиции здесь нет, и не стали светиться?

– Гадание на кофейной гуще… – Он прислонил мотоцикл к стене рядом с дверью, вошел в клуб.

Внутри было тихо и темно. Время рабочее, никаких групп на эти часы Ворон обычно не назначал. Середин прошагал по коридору, ориентируясь на светлый прямоугольник приоткрытой двери, не стучась вошел внутрь, повернул стул спинкой вперед и уселся, глядя учителю прямо в глаза.

– Отдохнул? – поинтересовался старик, неторопливо раскладывая корешки от проданных абонементов в четыре неравные пачки.

– У меня похитили маму и девушку.

– Повтори, – замер Ворон, все еще не поднимая на него глаз.

– Сегодня у меня похитили маму и невольницу. Ту, из прошлого. Требуют выкуп.

– Как ты мог?! – неожиданно рявкнул старик, со всей силы хлопнув ладонью по столу. – Как ты мог такое допустить?! Ты что, не знал, что от твоей девки судьба всего нашего мира зависит?! Не знал, что судьбу всеобщую в руки свои принял?! Как ты мог это допустить, бродяга безумный!!

– Откуда же я знал? – растерялся от такого взрыва Середин. – У меня оказалась ценная монета…

– Должен был знать! Должен был думать! Коли чаровница твоя в лапы колдовские попадет, мы все прахом земным станем. Рази не ведал ты о сем, рази не думал? – сорвался на старославянскую речь руководитель клуба. – Чем прельстили тебя речи ее? Чем умаслили уста? Чем покорило тело? Нечто разума ты лишился из-за красоты ее, нечто жизни без нее не мыслишь, супругой венчанной на ложе брачное возвести желаешь?

– Да ничем она меня не прельщала! – фыркнул Олег. – Дружинники муромские подарили, вот и увязалась. Невольница это моя. Какая, к лешему, жена? Просто пленница.

– Тогда почему она не умерла? – зловеще прошипел Ворон.

– Умерла? С чего? Почему?

– Нечто не ведаешь ты, нерадивый послушник мой, что от жизни ее судьбы миллиардов смертных зависят? Нечто не ведаешь ты, что смерть ее лишит братьев ключа к вратам Итшахровым? Не ведаешь? Тогда почему она до сих пор не умерла?! – грозно взревел старик, хлопнул ладонями о стол и вскочил на ноги, нависнув над гостем.

– Она ни в чем не виновата, Ливон Ратмирович, – покачал головой ведун. – Ее не за что убивать.

– Миллиарды прочих смертных тоже невинны! Почему ты рискуешь ими ради пустой блажи? Это всего лишь рабыня! Убей! Убей – и мы сможем вздохнуть спокойно. И те, кто владеет знанием, и те, кто пребывает в счастливом неведении. В ее жилах течет не кровь. В ее жилах течет яд, способный спалить всю Ойкумену. Убей ее! Убей, пока она не попала на алтарь.

– Она не виновата, что родилась с разными глазами, учитель, – отрицательно покачал головой Середин. – В ней нет злобы, в ней нет зависти и коварства. Пусть я не пылаю к ней любовью, пусть она всего лишь рабыня, но она тоже имеет право на жизнь и на свой кусочек счастья. Я не позволю ее убить, Ворон. Ты учил меня сражаться с нежитью, а не резать горло безвинным. Поэтому она

будет жить.

Олег поднялся со стула и повернулся к двери.

– Стой, бродяга! Остановись и ответь на простой вопрос… Сколько их было?

– Кого? – оглянулся ведун.

– Сколько людей ты убил после того, как сотворил заклятие мертвого змея?

– Не приходило в голову считать, – пожал плечами Середин. – Сотню, наверное. Или две, коли походы ратные приплюсовать.

– Тогда почему ты так беспокоишься из-за всего лишь одной жизни, из-за одной маленькой девчонки?

– Я обманул тебя, Ратмирович, – усмехнулся Олег. – Я не убивал людей. Я уничтожал татей и душегубов, черных колдунов и нелюдей, посягнувших на святую русскую землю. А Урсула – такой же человек, как и мы, Ворон. Разве не ты учил, что каждая человеческая жизнь бесценна?

– Не я, – мотнул головой старик. – Так зачем ты приходил, бродяга? Говори.

– Мама… и Урсула…

– Это я уже понял. Они в чужих руках.

– Нужно ехать, отдавать выкуп. Всего через три часа. Место тати выбрали глухое, я в колхоз Тельмана еще в школе на картошку наездился. Гиблое место. Не отпустят они нас. Какая может быть вера душегубам?

– Дальше, – кивнул Ворон.

– Одному мне не справиться. Что, если Славу и Костика вызвонить? Мороки поставим, глаза отведем. Подойдем к уродам этим, да на мечи всех примем. Сколько их там будет? Пять, десять бандитов? Всего по паре ударов. Они и

понять ничего не успеют.

– Вестимо, запамятовал ты, бродяга, что о прошлом разе я тут сказывал. Не воины други твои, не воины. Не перешли они черты, не сдали экзамена последнего.

– Какого? Не хуже меня драться умеют!

– Они не познали вкуса крови, Олег. Ты совсем забыл, каково это – убивать в первый раз. Каково вгонять холодную сталь в тело живого человека, видеть его угасающие глаза, обрывать нить судьбы… Их бы в общий строй, плечо к плечу, да с опытными дружинниками рядом через сечу пропустить, тогда и вера в них появится. А ныне… Тяжко это – кровь проливать, бродяга. Не каждый решается. Что станет с нами со всеми, коли рука у одного из них дрогнет? Коли пожалеет он душегуба в последний миг, коли жизнь его забрать не отважится? Тати ведь, мыслю, не с цветами тебя встречать приедут. Пуля, она ведь зачастую любое мастерство одолеть способна. Нажмет наркоман пьяный на крючок у пистолета – и ты мертвый. Никакая сабля не поможет. Много у меня учеников было, бродяга. Однако же последний экзамен лишь ты за последние полвека сдал. Иных помощников сыскать не могу.

– Проклятье! – Середин прикусил губу.

– Что поделать, чадо. Кабы по-нашему все в жизни случалось…

– А ты? Ты мне поможешь, Ливон Ратмирович?

– Я? – вроде как удивился старый колдун.

– Урсула неведомо у кого в лапах, учитель. А от нее судьба всего мира нашего зависит. Ты ведь переступал черту, Ворон. Без этого твоих годов не достичь.

– Давно было, бродяга. Так давно, уж и не помню ныне.

– Мне многого не нужно, Ливон Ратмирович. Мне бы их только отвлечь ненадолго. Ненадолго, но всех, чтобы не смотрели на меня. А там… – Олег красноречиво положил ладонь на несуществующую сабельную рукоять.

– Мысль ладная, коли сам глаза отводить разучился, – согласился старик. – Чем отвлекать станем?

– Морок бы какой страшный поставить… Только звуков они издавать не умеют, это плохо. Даже не знаю…

– Я знаю, – широко улыбнулся Ворон. – Магнитолу мне тут принесли для занятий. Большая, на восемь батареек. Кричит – оглохнуть впору. Коли еще и ворожбы лечебной добавить, от глухоты которая… Я аккурат поутру кино забавное посмотрел. Ученик новый принес – ради спора о добре и зле возникшего. Вот с него звук и перепишу. Там немного, с четверть часа всего. Ты когда к татям ехать намерен?

– Звали к пяти. Приеду минут на десять раньше, от греха. Тебя забрать?

– Ни к чему. Сам как-нибудь. Да пораньше. Коли славный морок ставить, от реального зверя неотличимый, оно не меньше часа провозишься. Ты поезжай, сам готов будь. Твои заботы пострашнее моих.

– Тогда до вечера, учитель…

От клуба Олег помчался домой, забежал в квартиру, вытянул из-под постели оружие, встал перед ним на колени, прикидывая, каким образом лучше всего закрепить клинки.

На пояс саблю не повесить – болтаться будет сбоку, за рулем мешать. Значит… Значит, придется вешать через плечо. Клинок при этом окажется за спиной наискось. Оба ножа придется сдвинуть вниз, почти под мышку. Сумка станет мешаться… Сумку – долой, содержимое – по карманам. Кистень – в рукав, как положено. Рукав узкий…

– Ничего, другую рубашку подберем…

Он занимался реальным, конкретным делом и тревога постепенно уходила, сменяясь холодной твердой решимостью. Теперь он уже сам желал схватки. Настоящей мужской драки. И готов был разорвать душегубов в клочья, даже если Ворон обманет и не поможет ему в этом поединке.

– Кто они такие? Тли подзаборные. А я – воин. Разве может тля справиться с русским воином? Никогда!

Потрепанный «Опель-астра» стоял там же, где Олег его бросил позапрошлой ночью. Завелся двигатель с полуоборота. Середин дал ему немного согреться, после чего аккуратно влился в автомобильный поток. В его распоряжении оставалось всего пятьдесят минут, и он очень не хотел влипнуть в какую-нибудь глупую аварию. Десять минут он пробирался к пригородному шоссе, еще двадцать потратил на дорогу к повороту «на Тельмана».

За минувшие десять лет здесь почти ничего не изменилось. Узкая асфальтированная дорога послушно повторяла все изгибы неширокой речушки, поросшей у берегов кувшинками и кустистой осокой. Так же, как в школьные годы, справа тянулись к далекой лесополосе грядки с турнепсом, слева несло навозом с огороженных «электропастухом» пастбищ; впереди, над шиферной крышей тракторного двора, поднималась коричневым киклоподом увенчанная ржавой жестяной шляпой водонапорная башня.

Совхоз соединялся с пастбищем узким, метра на три, однопролетным бетонным мостом. Дважды в день перед ним оказывалось все совхозное рогатое поголовье, а потому именно здесь скапливалось наибольшее количество навоза. Глубиной, наверно, по колено, жижа тянулась от самого шоссе, и Середин так никогда и не узнал: был заасфальтирован съезд к переправе или грунтовка начиналась прямо на этом берегу.

Притормозив, молодой человек глянул на часы, что отсчитывали минуты на экранчике подаренного телефона, наклонился вперед, улегшись грудью на руль: сабля ужасно натирала спину. Он заговорил оружие «куриной слепотой», чтобы не удерживало на себе прямого взгляда, однако мягче от этого ножны не стали.

«Пять минут, пять минут… – закрутились в голове слова вечно молодой, словно Дункан Макклауд, Людмилы Гурченко. – Это много или мало?»

Взгляд ведуна бегал по противоположному берегу, выискивая признаки засады, ловушки или иной опасности. Однако все выглядело тихо и мирно: чуть колыхались на крутом склоне кусты бузины, оплетенной понизу ежевикой, стрекотали в траве кузнечики, на большущей бочке для воды и на поилке перед ней поблескивали крылышками отдыхающие стрекозы. Похоже, никто не

схоронился даже в таком удобном для наблюдения за мостом месте. Неужели вымогатели совершенно ничего не боялись? А вдруг он и правда милицию бы с собой привел?

– Обнаглели твари нынешние, совсем обнаглели. – Олег погладил бинт на левом запястье. Крестик не нагревался, доказывая, что и колдовством здесь давно не пользовались.

Середин опять глянул на экран телефона, включил передачу, покатился вниз по благоухающей натуральными удобрениями дороге, плавно добавил газу и, разогнавшись по ровному мосту, по инерции взлетел наверх, оставив в коричневом озерце глубокую колею, которая тут же начала затягиваться.

Берег реки был немного выше пастбища, а потому крыши совхозного поселка почти сразу исчезли из зеркала заднего вида. Вокруг лежали только луга с низкой, подрастающей травой да частые ивовые островки – кустарник отмечал заболоченные низинки, в которых все лето скапливалась вода. Грунтовка с полкилометра тянулась по прямой, потом обогнула одну низинку, вильнула мимо другой, прошла всего в десятке метров от плотной ивовой стены, что прятала от скотины воду. Олег увидел впереди стоящие друг за другом «Ауди» с тонированными стеклами и знакомый серебристый джип «Хайлендер». Дверцы распахнулись, из «Ауди» выбрались наружу трое молодых ребят: двое наголо бритых, в одинаковых пиджаках поверх черных футболок, один черноволосый, с длинной челкой на лбу, с узким лицом и тонким горбатым носом. Все трое держали в руках оружие. Один из лысых – даже автомат, коротенький, с непропорционально длинным магазином. Джип выпустил из себя только Огреха – «калашников» в руках огромного бандита смотрелся безобидной игрушкой, не страшнее водяного пистолета.

Середин остановился метрах в пяти перед ними, заглушил машину, тоже вышел на серую притоптанную траву:

– Воняет-то тут как! Другого места выбрать не могли?

– Тебя не спросили, чмо с ушами, – тут же отозвался лысый с автоматом.

– Чего это ты на машине? – насторожился узколицый. – У тебя же «ижак» старый был?

– А как я женщин назад повезу? На багажнике? – сделал пару шагов вперед Середин.

– Баб он назад повезет, – скривился узколицый, будто услышал явную глупость, и оглянулся на остальных. Те гоготнули, только Огрех словно ничего не уловил, мрачно обозревая с высоты своего роста окрестности.

– И чего смешного? – Олег сделал еще два шага.

– Монету привез?

– Где женщины?

– Ты оглох, петух бесхвостый? – наставил на ведуна пистолет узколицый. – Где монета?

– У моста спрятана, – сделал еще шажок Середин. – Не принесу, пока женщин не покажете. Хочу видеть, что они живы и целы. До пяти время еще есть, успею за ней обернуться.

– Дашь монету – получишь баб!

– Вы же уголовники, твари, подонки без чести и совести. Почему я должен вам верить? Покажите заложниц. Покажите или сделки не будет!

Ведун сделал еще шаг. Чем ближе он окажется к бандитам к началу схватки, тем больше шансов будет у него и меньше у них.

– Ты чего, падла, права качать хочешь?! – вдруг рванулся вперед лысый с автоматом. – Я тебе сейчас хлебало порву и на задницу надену! Говори, где монета, пока зубами не захаркал!

– В вашей тачке их нет, – подойдя почти к капоту, вгляделся в лобовое стекло Олег. – Джип тоже просвечивает.

– Вот козел упрямый! – Узколицый с силой вжал ствол ему в висок, чуть ли не воткнул, а вот лысый, как назло, отошел немного назад. Одним взмахом его уже не достать. Разве только первого ножом незаметно кольнуть, а пока соображают – саблю выдернуть.

Тут неожиданно слева, совсем рядом, раздался громкий скрип, визг сервоприводов, и случилось такое, что даже ведун остолбенел от неожиданности. Из-за кустарника в ста метрах от грунтовки, по-утячьи переваливаясь с боку на бок, выбралась двуногая яйцеобразная громадина, как две капли воды похожая на боевую машину из фильма «Робот-полицейский». Она повернулась к людям, чуть присела, раскрыла боковые крышки и выдвинула два тяжелых шестиствольных пулемета.

– Едрит мой лысый череп, – растерянно пробормотал узколицый.

– Цель уничтожить! – прохрипела машина голосом Ворона, и пулеметы грохотнули непрерывными очередями.

– А-а-а! – Уголовники метнулись за машины, распластываясь по земле.

Ведун выхватил саблю, ударил поперек спины узколицего, проткнул ближнего лысого – но другой успел отреагировать, вскинул автомат. Середин поднырнул под очередь, как под смертоносный меч, в падении рубанул, вытянув все тело, словно гитарную струну, и достал-таки кончиком клинка до локтя бандита. Рука подломилась, автомат клюнул стволом вниз и последние патроны выпустил лысому же в низ живота. Краем уха Середин услышал щелчок передернутого затвора, подтянул ноги и, со всей силы толкнувшись, рыбкой перелетел «Ауди». Вслед оглушительно застучала очередь «калаша». Мелодично зазвенели, осыпаясь, стекла, хлопнули одно за другим два колеса. Олег торопливо переполз к капоту, выглянул. Тут же раздалась очередь, и он скрючился, пытаясь угадать, где именно находится двигатель. Жесть кузова пули прошивали насквозь, даже не замечая, и жадно чмокались в землю слева и справа от ведуна.

– Эй, Огрех! – крикнул Середин. – Огрех, хватит дурака валять! Слышишь? Чего патроны зря жгешь, они денег стоят. Давай по-мужски, один на один, на равных! Слышишь? Без железок, голыми руками! Слабо?

– Чего?

Выстрелы смолкли. Боевой робот тоже испарился, над пастбищем повисла полная тишина.

– Голыми руками слабо сразиться? Хочу почувствовать, как хрустнет твоя шея под моими пальцами.

– Чего?! – утробно гоготнул богатырь. – Ну, ладно, давай.

Олег опять выглянул. Огрех положил автомат на крышу джипа. Ведун облегченно выпрямился, показал ему саблю и опустил ее на капот. Двинулся к богатырю, губы которого расползлись в искренней улыбке:

– Шея, говоришь, хрустнет?

– Не веришь? – развел руки Середин и пошел к нему, обходя распластанные возле «Ауди» тела по широкой дуге. Если Огрех сделает навстречу хотя бы пару шагов, до автомата ему будет уже не дотянуться.

И тут в шею ведуна, чуть ниже затылка, уперся холодный округлый ствол.

– Так и знал, что ты чего-нибудь выкинешь, – прошептал сзади знакомый по телефону голос. – Все вы, терпилы, самыми умными себя считаете, фортели каждый раз выкидываете. Но ты самый лихой. Это была голограмма, да? Я сначала даже испугался. Но потом увидел, что пули от робота никуда не попадают.

– Где мои женщины?

Олег плавно согнул руки в локтях, приняв обычную позу пленного, и стал поворачиваться. Пистолет держал остроносый мужчина, похожий на убитого узколицего паренька. Он был в белом костюме, в кремовой рубашке и светло-коричневом галстуке.

– Не тебе вопросы задавать, гнида. – Ствол больно толкнул его под подбородок. – Где монета?

– Здесь, – показал глазами вниз ведун и почти сразу резко опустил влево правую руку, почти чиркнув пальцами бандиту по лицу. Кистень выскочил из рукава, скользнул вслед за ладонью и с захлестом ударил остроносого по затылку. Голова чуть дернулась в сторону, и мужчина, закручиваясь вокруг своей оси, осел на траву.

Олег быстро поддернул кистень вверх, развернулся и облегченно рассмеялся: Огрех осматривал мертвых подельников, значит, ничего не заметил, – и ведун поскорее толкнул грузик обратно в рукав. Правда, услышав смешок, богатырь поднял голову и замер, недоуменно вытаращившись на беспамятного хозяина.

– Ну что, слоняра, драться будем? – весело поинтересовался Середин и покрутил плечами, как бы разминаясь.

– Что с ним?

– Нокаут. Знаешь такое слово, жирдяй?

– Ага, – скривился Огрех, то ли улыбаясь, то ли морщась. – Ты это слово запомни. Жирдяй.

Богатырь вразвалочку начал приближаться, постукивая кулаком правой руки в открытую ладонь.

– Женщины мои где? – поинтересовался ведун.

– Тебе уже все равно, дурачок.

Кулак метнулся вперед, нацеливаясь в левый глаз. Олег качнулся вниз и вперед, провел два четких удара в солнечное сплетение и ушел влево. Бугай его тычков, пожалуй, вовсе не почувствовал. Он резко махнул правой кистью, пытаясь попасть ребром ладони в основание шеи. Ведун снова поднырнул и издалека широко рубанул рукой понизу. Сила инерции опять выбросила кистень из рукава. Петля обхватила запястье, грузик разогнался по дуге и врезался Огреху в ногу чуть ниже колена. Гигант взревел, заваливаясь набок, словно наехавший на грузовик «Абраме», попытался переступить, но не устоял и шумно рухнул оземь.

– Подонок! Так нечестно!

– Ты дебил, Огрех, – спрятал оружие ведун. – Вы мою мать украли. И ты думал, я тут с тобой в Олимпийские игры стану играть? Где они? Или тебя и вправду покалечить?

Здоровяк вдруг извернулся и поймал его за ногу. Взмах – хрустальная капелька врезалась богатырю в темечко. Он ткнулся носом в грязь и обмяк.

– Проклятие… – в задумчивости замер над ним ведун. – И почему они все такие упрямые?

Он облизнулся, оглядываясь, вернулся к главному, пнул в плечо ногой, переворачивая на спину, пошлепал по щекам:

– Давай, уродец, давай. От таких ударов не умирают.

Остроносый застонал, открыл глаза:

– Ты?

– Где женщины, выродок? Куда ты их дел? Где заложницы? – встряхнул его за ворот Середин.

– Кто? А-а… – Остроносый хрипло засмеялся. – А их нет. Нет. Я сказал: коли ты еще чего сделаешь, кишки им сразу выпускать. Со мной так нельзя. Мне плохо, но и ты…

– Что-о?! – Рука описала короткий полукруг, и кистень врезался прямо в ухмылку, превратив ее в кровавый оскал. – Что ты сделал?! Что?! Что-о?!!

Середин бил, бил и бил, вкладывая в кистень весь свой ужас, весь страх и все отчаяние; бил и бил, пока голова уголовника не превратилась в глинистое месиво, из которого торчали куски костей и лохмотья слипшихся волос. Только после этого он поднялся, добрел, покачиваясь, до «Ауди», забрал саблю и вернул в ножны. Душа его ныла, точно больной зуб, но руки все равно совершали привычные действия.

– Откуда он мог прийти? – присев на капот изрешеченной машины, огляделся ведун. – Где была засада?

За кустарником, из-за которого вышел морок, остроносый прятаться не мог – Олег видел заросли от края и до края. А вот за спиной… За спиной оставалась еще одна низинка.

Середин поднялся. Если остроносый сидел там – там же могли быть и заложницы. А если так…

Он и боялся того, что предстоит увидеть, и не мог не посмотреть на то, что там скрывалось. Тридцать шагов до кустов, еще столько же вдоль ивняка… В сочной, изумрудно-зеленой осоке лежали два тела. Но не женских. Двое мужчин с одинаковыми треугольными дырочками чуть ниже левого уха.

– Ворон… – окатила тело горячая волна.

Молодой человек перешел на бег и почти сразу увидел впереди машину. Темно-синюю полноприводную «Акуру». С небритым мужиком, похожим на кавказца, за рулем. Судя по тому, как неподвижно он смотрел перед собой…

Олег домчался до машины, сразу рванул заднюю дверцу. Замотанные скотчем женщины задергались, замычали. Середин схватился за нож, вспорол путы на руках и на ногах, сдернул куски пленки со рта.

– Господи, сынок, – плача без слез, обняла его мама. – Олежка, милый… Мы тут, мы… На рынке… А нас… Олежка.

Ведун ощутил обжигающее прикосновение к запястью, вырвался из рук:

– Подожди, мама! Тихо сидите!

Он захлопнул дверцу, выхватил саблю, резко развернулся, вспарывая воздух.

– Тише ты, бродяга! Зашибешь… – Ворон вышел из невидимости, как из-за стены. Р-раз – и он уже рядом.

– Это ты… – облегченно опустил клинок Середин.

– Я. – Он повернул голову в сторону двух заколотых стилетом бандитов. – Кажется, ты вообразил себя непобедимым, бродяга? Непобедимым, неуязвимым, непогрешимым. А тебе просто повезло. Повезло, что в тебя не выстрелили, когда ты резал тех троих. Повезло, что я пришел сюда раньше, чем ты управился с прочими душегубами.

– Если бы они выстрелили, то не смогли бы узнать, где монета.

– А если бы я не успел прийти сюда?

Середин потупил взгляд и промолчал.

– Ты смертен, бродяга. Ты понимаешь это? Тот, кто держит в руках ключ от всего нашего мира, должен быть непогрешим, неуязвим, непобедим. Иначе мы все рискуем превратиться в тлен. В его жизни не место простому везению. Ты выбрал слишком тяжелую для смертного ношу, бродяга.

– Но ты не убил ее, учитель.

– Я знаю, чадо. Не убил. Умом понимаю, что надобно уничтожить столь страшную беду, но рука дрогнула. Стар, видно. Размяк. Да и речь твоя намедни получилась такой пламенной…

– Спасибо тебе, Ворон.

– Спасибо? Не-ет, бродяга, никакой радости ты от доброты моей не получил. Ибо ноша твоя велика будет, ценна и хрупка безмерно. Посмотри мне в глаза, Олег, прозванный в народе ведуном. Ты погрешим и смертен. И если ты проиграешь какое-то из своих сражений, если умрешь и отправишься за реку Смородину по раскаленному Калинову мосту – даже тогда твоя ноша должна остаться невредимой. Она слишком важна для мира, чтобы зависеть от твоей жизни. Ты понял меня, несчастный?

– Да, учитель.

– Тогда становись на колени, я тебя прокляну.

– Что, Ливон Ратмирович? – Олегу показалось, что он ослышался.

– Порчу наведу. – Старик забрал у него саблю, начертал на земле восьмиконечный знак Хорса, возле центра сделал два маленьких кружка, в один бросил несколько свежесорванных синих бутонов войлочного репейника. – Становись, сюда коленом и сюда. Да не бойся, не пропадешь ты от моей порчи. Сделаю такой заговор, чтобы у женщин, кои с тобой хоть немного пообщаются, цвет глаз менялся. На синий и зеленый. Может, среди ложных сокровищ главному проще затеряться будет. Становись!

Ворон наложил руки ему на голову:

– В саду чернобоговом сорву ветвь златую, обойду с нею небо синее, обойду землю сырую, обойду воды глубокие. Соберу росу рассветную, воду ключевую, туман ночной, дождь полуденный. Поклонюсь Триглаве, хозяйке всего живого, поклонюсь Маре, хозяйке мертвого, поклонюсь Сече, хозяйке ночи, поклонюсь Хорсу, хозяину света ясного. Не своим словом, не своим желанием, вашей волей, вашим наказом заклинаю взгляд внука Сварогова, от рождения Олегом прозванного, заклинаю на левый глаз зеленью ко всему липнуть, заклинаю на правый глаз голубизной ко всему приставать… – С этими словами колдун вылил Середину на веки какое-то зелье. – Отныне и до века. Слово мое замок, воля моя ключ. Быть по сему! – Старик перевел дух. – Все, вставай.

Ворон взял его за подбородок, придирчиво осмотрел:

– Кажется, получилось. Правда, раньше я ничего подобного не делал, пришлось голову поломать, но… Проверим – узнаем.

– Только не сейчас! – Середин вернулся к машине, распахнул дверцу. На этот раз женщины, вместо того чтобы кинуться обниматься, испуганно вскрикнули.

Ведун ругнулся, прошел вперед, присел у дверцы перед зеркалом заднего вида. От середины лба через глаза вниз, на щеки, тянулись две полосы шириной в полтора пальца, охряная и красная, делая Олега похожим на папуаса в боевой раскраске.

– Ну, спасибо, Ливон Ратмирович. Надеюсь, это не навсегда?

– Коли со щелоком, то под проточной водой сойдет.

– А с мылом?

– Хоть с шампунем от перхоти, – видимо, съязвил старик. – Ты с машинами сими управишься, али мне своим ходом возвертаться?

– Не бойся, подвезу. – Олег выпрямился и отправился к грунтовке.

– Ты куда, бродяга?

– За добычей. У меня денег в карманах ни копейки. А жизнь, судя по всему, начинается непростая.

В город возвращались на «Хайлендере». «Акура» заводиться не пожелала – видать, имелась какая-то секретка. Все вчетвером они высадились у клуба, вслед за Вороном прошли в его кабинет. Олег наконец-то отмылся, а старик с жадностью выпил одну за другой сразу три бутылки пива.

– Поехали скорее домой, – потребовала мама. – Я тоже хочу наконец-то отмыться от всей этой мерзости! Они нас лапали, завязали липкой дрянью, целый день держали в этой вонючей машине.

– Ты их всех убил, господин? – наконец подала голос и Урсула.

– Один дышать остался, – признал Середин. – Здоровый такой бугай. Не стал я его дорезать беспомощного. Наверное, зря. Но уж больно доверчивый оказался. Как ребенок.

– Поехали скорее!

– Извини, мама, не получится, – покачал головой Олег. – Как бы очередные гости к нам не заявились. Последние дни мы для всяких подонков как медом

намазаны.

– И что теперь? По подворотням слоняться?

– Ты ведь к тете Ире на Украину хотела съездить? – Он выгреб из кармана деньги, отделил рубли от валюты. – Вот, тут тысяч пятьдесят. Надеюсь, на пару месяцев вам хватит, а там посмотрим.

– Но собраться же мне нужно?

– Купи самое необходимое, остальное на месте докупишь.

– Ты думаешь, Олежка, все так плохо? – посерьезнела женщина.

– Я думаю, двух банд за два дня вполне достаточно. Даже если продолжения не будет – зачем рисковать?

– Времени все равно почти восемь, темнеет за окном. Сегодня никуда не уедешь.

– Сегодня вы здесь останетесь, у Ливона Ратмировича. Сам он десяти витязей стоит, да бойцов тут почти сотня в разных залах наберется. Оружия навалом, осаду долго можно держать. Хотя искать вас здесь все равно никто не станет.

– А ты?

– Я быстренько в одно место смотаюсь. Есть у меня подозрение, кто на нас этих шакалов навел. Пора рассчитаться.

* * *

Вдоль пешеходной зоны машины стояли плотно, одна к одной, не втиснешься. Дабы далеко не бегать, Середин свернул к закрытой решетчатыми воротами дворовой арке, остановился у стены на тротуаре и побежал к давешнему

подвальчику. Магазин был уже закрыт, но внутри работала уборщица в длинном синем халате и желтых резиновых перчатках. Олег хорошенько, чтобы дверь зазвенела, саданул ногой и прижал к стеклу раскрытый пропуск на автобазу – что она издалека разглядеть сможет? Женщина оставила швабру, подошла ближе, и ведун спрятал «корочки» в карман:

– Вячеслав Григорьевич здесь? Он обещал меня подождать.

– Сидит, – кивнула уборщица. – Третий день заполночь остается. Видать, с компьютером неладно. Стучит да стучит.

Звякнула щеколда двери. Середин сбежал вниз, решительно пересек залы, толкнул дверцу в коридор, а потом пинком выбил и без того приоткрытую дверь:

– Что, птенец антикварный, не ждал?! – Одним шагом ведун преодолел расстояние от коридора до стола, выдернул из-под куртки косарь и со всего замаха вогнал его в столешницу почти по рукоять, намертво пригвоздив к ней клавиатуру. – Сейчас я из тебя барабан вырезать буду.

– Ка-к-ко-ка, – захлопал губами, бледнея на глазах, мачо. – Ку…

– На том свете покуришь, – утешил его Олег, медленно вытягивая саблю. Положение клинка за спиной и без того не самое удобное, а тут еще и потолок низкий, чуть ли не головой цепляешься.

– Клаву зачем? – наконец выдохнул Вячеслав Григорьевич. – К-как я работать буду?

– Не будешь. – Оружие наконец легло в руку, и ведун подцепил лезвием подбородок антиквара. – Ты зачем ко мне бандитов подсылал, скотина?

– Неправда! – Мужчина откинулся назад и уперся затылком в стену. – Не… Никого я не… Не посылал!

– Откуда они узнали мой адрес? Откуда узнали про монету?

– Не… Я не зна-аю!!! – внезапно взвизгнул мачо. – Откуда я знаю?! Я никого не посылал! Я сижу здесь! Я занимаюсь вашей монетой!

– О которой уже узнали все бандиты города. Две банды за два дня – откуда они взялись, любезный?

– Пустите меня! – облизнул губы антиквар. – Вы у меня… у меня в офисе! Что вы себе позволяете?!

– Любишь свою конуру? – отвел клинок Середин. – Тут и сдохнешь. Отвечай, кому про монету рассказывал?

– Никому! Вон, все здесь! – Он указал на плоский экран монитора. Там, в уголке и правда красовался желтый кружок, в центре которого смотрела вперед маленькая безволосая голова, а по кругу от нее к краю тянулись толстые змеиные хвосты. Остальное пространство занимал текст на латинице. – Я ищу! Я определяю оптимального покупателя. Да уберите же, наконец, свою железяку!

– Ко мне два раза приходили серьезные люди, придурок. – Ведун переложил клинок ему на плечо. – Один раз чуть не пристрелили, а сегодня у меня похитили девушку и маму. И всех интересовала монета. Откуда у них информация? Как узнали мой адрес, и вообще то, что у меня есть согдианский змеевик?

– Вы посмотрите лучше сюда, – ткнул пальцем в монитор Вячеслав Григорьевич. – Вот он! Это ваш змеевик, узнаете? Так вот, семь лет назад его продавали за пятьсот тысяч долларов.

– А? – На какой-то миг Середин забыл про свои проблемы и повернулся к экрану.

– Это семь лет назад. Двадцать три года назад был желающий купить эту монету за триста пятьдесят тысяч. При условии, что будет названо ее наименование. Насколько я понял, продавца так и не нашлось. Точно не скажу, тогда Интернета еще не было. Это все из архивов всплыло. Вот… – Мачо опустил было пальцы на клавиатуру и застыл, тупо глядя на воткнутый косарь. Развел руками: – Ну, и что теперь?

– Полмиллиона долларов? – Олег взялся за рукоять ножа, раскачал его и выдернул. – За это и вправду сожрать с потрохами могут. Всегда найдутся желающие.

Вячеслав Григорьевич постучал по кнопкам и сплюнул:

– Ну все, не работает. И магазины давно закрыты. Зачем клаву было портить? Не могли дверь тесаком потыкать, раз приспичило? Ей все равно, она железная.

– Так триста пятьдесят тысяч, или все-таки пятьсот? – вернул косарь в ножны Середин.

– У-у-у… – задумчиво помычал Вячеслав Григорьевич, потер виски. – Так вот… Кабы все это было так просто! Я бы еще в первый вечер отзвонился. Но тут все запутано получается. В прошлом веке, как я раскопал, змеевиками всего четыре раза торговать пытались. И каждый раз очень странным образом и за большие суммы. То есть обычную редкую монету, если реализовать пытаются, выставляют на аукцион, верно? Со змеевиком нашим все не так.

– Моим, – поправил Олег, но мачо пропустил его слова мимо ушей.

– Монеты предлагались на продажу по запредельно высоким ценам, о фактах продажи никогда ничего не сообщалось. Но если полмиллиона долларов просят – значит, есть некоторая уверенность, что покупатель может найтись? Ведь никто же не просит за прочие азиатские монеты больше сотни баксов! Даже с расчетом на дилетанта. Ей полтинник – красная цена. И опять же, нашелся покупатель, что близкую сумму решился выложить. Кстати… – Вячеслав Григорьевич опять попытался постучать по клавиатуре. – Вот, черт! В общем, предложение могло оставаться действительным, и я отослал свои координаты. Ну, и еще на несколько форумов и аукционов отправил предложение купить подлинный, кладовый согдианский змеевик. Для начала поставил шестьсот тысяч долларов. Тенденцию отследить. Если появится интерес, встречные предложения, их можно будет систематизировать, оценить спрос, прикинуть оптимальную цену.

– А монету должны были забрать братки на двух джипах и «Ауди»?

– Да подождите вы со своими джипами! – отмахнулся антиквар. – Самое забавное предложение я проверил на немецком нумизматическом форуме. Оказывается, действительно существует старинный графский род, который очень желает заполучить такой, как у нас, змеевик, но не готов платить за него реальной цены. Скорее всего, у господ банальным образом не хватает для покупки денег. Поэтому они затеяли что-то вроде осады на нумизматическом рынке. В начале двадцатого века они предлагали коллекционерам продать им змеевик за двадцать тысяч швейцарских франков. К началу Второй мировой предложение выросло до тридцати. В шестидесятых они обещали за монету уже сорок тысяч франков. Среди нумизматов эта история навроде анекдота уже ходит. Типа, настырные графья уже сто лет несуществующую монету купить хотят. Я как раз недавно на эту историю случайно натолкнулся. Ну, посмеялся вместе со всеми. А тут – вы с тем самым змеевиком.

– Значит, ты с самого начала знал, сколько она стоит? – снова поднял саблю ведун.

– Нет, не знал! Но помнил, что много. Это же как анекдот рассказывали! Опять же, кто мог поручиться, что предложение все еще в силе? Я десятью штуками баксов конкретно рисковал!

– И это предложение все еще действительно? – постучал клинком по монитору Середин.

– Больше того, в конце века графья накинули к премии еще десятку! Я ведь даже имя узнал… – Он ткнул пальцем в экран, чуть помолчал. – Ну, неважно. Главное, теперь они готовы купить змеевик за пятьдесят тысяч франков. В долларах это получится… – Мачо потянулся к клавиатуре, замер, зло сплюнул. – Ну, зачем?.. В общем, что-то около семидесяти-восьмидесяти тысяч долларов. Это, конечно, не полмиллиона, но в качестве запасного варианта сгодится. Интересно, однако, то, что согдианский змеевик не единственный! Ведь всегда считалось, что таких монет не чеканили, и только на Руси делались обереги с этой символикой. Ну, и еще в Греции, на севере, где влияние Руси традиционно сильным было. В среднеазиатские никто не верил. И вот получается, что их по крайней мере два!

– Пять, – поправил ведун. – Одна у меня, и еще четыре по Европе бродят.

– Два. Все европейские сделки могли производиться с одной и той же монетой. Она ходила от одного владельца к другому. Вторая у нас.

– У меня…

– Технически – да, – вскинул указательный палец антиквар. – Но ведь я могу рассчитывать на нормальный комиссионный процент? Провести сделку не так-то просто. Нужно имя, связи, практика. Это дело такое: могут и обмануть, и на муляж монету подменить, и с экспертизой намухлевать. Опять же, имея вилку цен от семидесяти до шестиста тысяч, вычислить оптимальную стоимость, убедить в справедливости этой суммы контрагентов, обеспечить чистоту сделки… Опять же риск. Такие ценности на руках! Двадцать процентов за эту работу будет справедливо. Двадцать – это нормально. Двадцать… Ну, учитывая трудности нашей первой встречи, я готов согласиться на восемнадцать. Даже на семнадцать процентов… Пятнадцать?.. Что вы молчите?!

Середину было не до мачо. Он ощущал, как на запястье плавно нагревается освященный крест, предупреждая о приближении какого-то порождения чужой веры, чего-то колдовского или потустороннего. Ведун подтянул к себе саблю, настороженно оглядывая комнатку. Окно наверху, сводчатый потолок, прочные каменные стены, закрытый линолеумом пол.

– Пятнадцать – это совсем не высокий процент, если учесть еще и сопутствующие расходы. Понадобится юридическая экспертиза, независимые анализы предмета…

– У вас тут странного ничего никогда не случалось? – перебил его Олег.

– В каком смысле? – запнулся антиквар.

– Барабашки, призраки, домовые…

– Перестаньте! Мы же взрослые люди. Что за глупые суеверия?

– Пол здесь какой?

– В каком смысле?

– Пол земляной или залит бетоном? Просто застелен деревом?

– Понятия не имею! Какая разница? Главное, что тепло.

– Вроде, болотом пахнуло. Тебе не кажется?

– Пол, наверное, в коридоре мокрый. Вот и пахнет.

– Уверен?

Крестик пульсировал обжигающим жаром. Середин взялся за ручку двери, потянул к себе. Пол оказался сухим, но по коридорчику, рассекая воздух кожистыми крыльями, промчался коричневый мохнатый комок с детской головкой. Тут же послышался грохот: «птичка» куда-то врезалась. Не смогла развернуться в узком проходе.

– Крикса… Откуда она здесь? Это же…

– А-а-а!!!

Ведун развернулся на крик, качнулся в сторону, уходя от возможного удара, но увидел лишь серую змею с пятнами кирпичного цвета, ползущую по верхней полке стеллажа. Толщиной она была с голову взрослого человека, но ни одна бумажечка под могучим телом даже не колыхнулась. Вопил антиквар, который прижался спиной к стене и отчаянно пытался заползти по ней к окну, упираясь ногами в подлокотники кресла.

– Это рохля, Вячеслав Григорьевич. Всего лишь рохля, успокойтесь.

Однако мужчина его словно не слышал, а потому ведун прикрикнул на змею:

– Пошел вон!

Нежить почему-то не отреагировала, и Олег кольнул ее саблей:

– Пошла!

Рохля дрогнул, рассыпался в пепел, закружился смрадным облаком. Еле заметная среди хлопьев, вниз и под стеллаж шмыгнула невесомая тень.

– Что это было? – громко сглотнув, упал обратно в кресло мачо.

– Ерунда, рохля. Тварь домашняя и почти безобидная. Пока тепло, сухо и спокойно, обычно спит в подполе, в темных углах, и все. Коли потревожишь – в змею перекидывается, пугает. Ну, детям малым от него беспокойно бывает, да хозяевам нерадивым, у которых в подвале сырость. Вывести можно, но муторно… – Ведун попятился, уступая место открывшейся двери. – А если честно, то просто лениво.

По полу, приволакивая крылья, прошла крикса: телом похожая на упитанного младенца, но темно-коричневая и мохнатая, с зубастой пастью и кошачьими глазами. И, конечно, с растущими от хребтины крыльями. Антиквар привстал, его глаза вмиг округлились. Сказать он ничего не успел. Тварь подпрыгнула, взмахнула крыльями – Середин подступил сзади, взмахом клинка распорол перепонку и тут же, пока нежить не шлепнулась на пол, отсек голову:

– Значит, Вячеслав Григорьевич, ничего странного у вас тут никогда не случалось?

– Чт-то эт-то? – Мачо мелко трясло.

– Обычное суеверие, Вячеслав Григорьевич, – пнул голову болотного порождения ведун, откатывая за стол. – Давайте смываться, а то оно имеет привычку оживать. Срастается и нападает снова. Извести можно только при дневном свете. Да и то с трудом.

– А… А… А он-но…

– К утру пропадет. Оно настоящего света не любит. Вообще непонятно, откуда оно тут…

За дверью грохотнуло, послышался звон стекла. Что-то металлически звякнуло, покатилось. Антиквар мгновенно забыл про страх, откинул кресло и устремился спасать магазин. Олег, не убирая сабли, пошел следом, невольно морщась при

каждом новом взрыве грохота и стеклянном перезвоне.

Увидев в залах двух мечущихся под потолком крикс и двухметрового голема, ведун почему-то совсем не удивился. Отметил только, что уборщица лежит поверх ведра, и следов крови возле нее нет. Видимо, тетеньке повезло.

Разворошив руками и ногами груду обломков, что остались от очередного прилавка, голем продвинулся чуть дальше и обрушился обоими предплечьями на следующую витрину. Звон, треск, рассыпающиеся медальоны и монеты… Антиквар застонал, воздев руки к потолку. К нему метнулась одна из крикс – ведун прыгнул вперед, срубил ей половину головы и низ грудины. Куски врезались в мужчину, но мачо, похоже, даже не заметил ни толчка, ни того, что на дорогом костюме остались ошметки похожей на тину жижи.

– Кажется, тебя кто-то не любит, Вячеслав Григорьевич, – шепнул ему на ухо Середин. – Спички есть? Или зажигалка? Ищи, пока он все не разгромил.

Словно очнувшись, мужчина заметался, кинулся назад в коридор. Ведун же, вздохнув, начал подкрадываться к нежити со спины.

Големы немы, медлительны и глуповаты. Зато неутомимы, бесчувственны и бессмертны. Довольно квелый Медный страж два раза чуть не убил весьма шустрого Олега, а тот не мог причинить монстру ни малейшего вреда. Однако эту тварь некий чародей слепил из глины. Даже из суглинка – серого, с красными вкраплениями и торчащими тут и там корешками и стеблями травы. И это существенно меняло дело.

Ведун ударил голема в спину – туда, где у человека находилась бы правая лопатка, крутанул клинок, вырезая глиняный конус, и тут же отскочил. Кусок плоти монстра отделился от тела и шлепнулся вниз. Земляной человек резко развернулся, уставился на Середина сделанными из двух черных стеклянных пуговиц глазами, потом наклонился, подобрал кусок и с силой вогнал его в прежнее место. Подождал, покачиваясь. Похоже, он усиленно соображал, как следует поступить: затоптать неожиданного врага – или выполнять приказ хозяина. Разумеется, второе для него оказалось важнее – иначе для чего бы его создавали? Голем повернулся к витрине. Ведун ухмыльнулся и снова ударил его в спину, на этот раз чуть левее.

Монстр крутанулся, широко взмахнул руками – Середин предусмотрительно отпрянул, – подхватил отрезанный шмат, прилепил обратно к телу и зашагал на противника. Ведун, как всегда при встрече со слишком сильным врагом, присел и рубанул понизу. Сабля легко прорезала ногу, причем в тот самый момент, когда голем на нее ступал. Чудище, не найдя опоры, рухнуло набок. Олег тут же подскочил, нанес удар в грудь, снова вырвав кусок глины, мигом отпрыгнул. Голем заворочался, подгреб к себе один шматок, воткнул в грудь, подтащил другой, наступил на него обрубком ноги.

– Нашел! – выскочил из коридора мачо, размахивая зажигалкой.

Середин увидел, как радостное выражение лица у него стремительно меняется на испуганное, тут же пригнулся. Лапы третьей криксы чиркнули по спине, и ведун сразу выпрямился, одновременно разрубая воздух перед собой. Болотная тварь сухо хрустнула и закувыркалась дальше двумя ошметками. Перед лицом промелькнуло что-то серое, в голове словно взорвалась граната – в себя ведун пришел только на ступенях под дверью. Неподалеку отдыхала уборщица. Судя по мерному дыханию, ее обморок перешел в здоровый сон.

Олег приподнялся, ощупал подбородок и нос. Вроде, целы. Хорошо, глина мягкая. Медный страж таким ударом сплюснул бы голову в мокрый блин.

С усталым хрустом превратился в обломки очередной прилавок. Середин тряхнул головой, поднялся на ноги и решительно направился к неживой твари. Голем, поумнев, развернулся навстречу, взмахнул одной рукой, другой, норовя засадить пудовым кулачищем ведуну в ухо. Олег привычно поднырнул, молниеносно ударил его в грудь, провернул клинок, скользнул дальше, за спину, снова ударил, на этот раз в середину спины. Монстр крутанулся. Ведун же остался на месте и, прежде чем чудище успело его смахнуть, нанес очередной удар с проворотом, теперь в живот, пригнулся, уколол под шею.

Голем упал на колени – но не умирая, а торопливо сгребая к телу раскиданную глину, прилепил кое-как ее обратно, скакнул вперед. Середин легко ушел в сторону, усмехнулся:

– Тебе гимнастикой заниматься нужно, увалень. Черепаху не догонишь!

На деле все было не так радужно. Ведь глиняное существо не знало усталости, а у ведуна выдался тяжелый день, после пропущенного удара болела голова, к тому же начало сбиваться дыхание. Еще четверть часа беготни, и они сравняются в резвости.

– Может, пора удирать?

Монстр опять попытался прыгнуть, руками сгреб воздух перед собой. Ведун снова ускользнул от смертельной западни, подрубил голему ногу, а когда тот завалился, не мешкая нанес в спину сразу три удара.

– Есть! – вскричал Олег.

В последней дырке белел сложенный вчетверо лист бумаги. Середин прыгнул нежити на спину, выдернул записку, скакнул дальше и сунул ее антиквару:

– Жги! Скорее!

Он развернулся, готовясь дать отпор суглинистому врагу. За спиной мачо нервно защелкал зажигалкой. Голем прилепил ногу на место, расправил плечи, сделал шаг, другой – и вдруг осел на пол большой бесформенной земляной кучей. Заклинание, даровавшее ему существование, обратилось в пепел.

– Мамочки мои, – облегченно отер лоб Середин и спрятал саблю. – Почему все свалилось на меня в один день? Надо было завтра сюда ехать. Куда я торопился?

Антиквар ходил по магазину и жалобно скулил, как мышка с больным животиком. Руки его замерли в полувскинутом, полуразведенном положении. Оно и понятно: средний зал был разгромлен целиком, просто в дребезги – превращен в куски дерева и стеклянную крошку. Комната перед коридором осталась разорена примерно наполовину. Олег обратил внимание на белое пятно у входной двери. Это оказался обычный лист бумаги, на котором синим фломастером были начертаны три слова:

«Отдай согдианскую монету».

– Поздравляю, Вячеслав Григорьевич, – протянул ведун записку антиквару. – Если бандиты думают, что змеевик у меня, то какой-то колдун уверен, что она твоя.

– Колдунов не существует, – жалобно произнес мачо.

– Ты уверен? – горько засмеялся Олег. И, не дождавшись ответа, посоветовал: – Закрывай эту богадельню, приятель, и поезжай домой. Ночь длинна. Как бы еще кто-нибудь не заявился.

– А если они уже там? – схватил Олега за руку мужчина. – Если они уже у меня дома? Эти змеи, летучие мыши, ходячие истуканы?

– Заночуй в другом месте, – пожал плечами Середин. – И вообще, мой тебе совет: смывайся. Сгинь, уедь, спрячься. Пропади хотя бы на пару месяцев. Пусть о монете успеют подзабыть. Поезжай куда-нибудь в глухомань, в дикое непролазное место, чтобы ни одна собака не нашла и отдохни от работы. Тебе тут все равно ремонт делать пора.

– Я не могу… – Мачо опять начало трясти. – Эти… Эти… У меня дома документы, диски, деньги. Я не могу… Мне нужно забрать.

– Далеко живешь?

– На… На Шкипера…

– Если там, тогда ладно, – почесал подбородок Олег. – А то еще загребут тебя в таком состоянии, как обколотого алкаша. Сам, вон, на нежить похож. Бери быстро ключи, вещи, и пошли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/prozorov_aleksandr/vozvraschenie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити